

Пятьдесят
оттенков
серого

Эл Джеймс

Annotation

«Пятьдесят оттенков серого» — первая часть трилогии Э Л Джеймс, которая сделала автора знаменитой и побила все рекорды продаж: 15 миллионов экземпляров за три месяца. По мнению Лисс Штерн, основательницы DivaMoms.com, «эти книги способны разжечь огонь любви между супругами с большим стажем. Прочитав их, вы вновь почувствуете себя сексуальной».

Э. Л. Джеймс

Пятьдесят оттенков серого

Найлу, господину моей вселенной

Благодарности

Я в долгу перед многими людьми за их помощь и поддержку.

Спасибо моему мужу Найллу за то, что он относился к моему увлечению снисходительно, заботился о доме и сделал первую редакторскую правку.

Спасибо моему боссу Лайзе за то, что она терпела меня весь последний год, пока длилось это помешательство.

С.С.Л. — ничего, кроме спасибо.

Спасибо первым читателям за помощь и поддержку.

С.Р. — спасибо за полезные советы в самом начале.

Сью — спасибо, что выбрала меня.

Аманда и все издательство «Райтерс Кофе Шоп» — спасибо, что сделали на меня ставку.

Глава 1

Я с отвращением смотрю на свое отражение в зеркале. Ну почему у меня такие волосы — они торчат во все стороны! И почему Кэтрин Кавана угораздило заболеть, а я мучайся!.. Теперь вместо того, чтобы готовиться к выпускным экзаменам, до которых осталось чуть меньше недели, я пытаюсь кое-как пригладить непослушные локоны. «Нельзя ложиться спать с мокрой головой, нельзя ложиться спать с мокрой головой», — повторив эту мантру несколько раз, я снова пытаюсь привести свои лохмы в порядок и в изнеможении закатываю глаза. Из зеркала на меня смотрит бледная девушка с темно-русыми волосами и голубыми глазами, которые слишком велики для ее лица. Единственный вариант — стянуть все в конский хвост на затылке: так хоть вид будет приличный.

Кейт — моя соседка по комнате. И как раз в тот день, когда у нее запланировано интервью для студенческой газеты с каким-то промышленным магнатом, о котором я никогда в жизни не слышала, она свалилась с гриппом. Поэтому ехать придется мне. А у меня на носу экзамены, недописанное сочинение, и сегодня вечером я должна была работать, но вместо этого поеду за сто шестьдесят пять миль, в центр Сиэтла, чтобы встретиться с генеральным директором холдинга «Грей энтерпрайзес». Таинственный мистер Грей, выдающийся предприниматель и крупный спонсор нашего университета, человек, чье время исключительно ценно — гораздо ценней, чем мое, — согласился дать Кейт интервью. Невероятная удача, сказала она. Черт бы побрал ее общественную деятельность!

Кейт обосновалась на диване в гостиной.

— Ана, не сердись! Я девять месяцев уговаривала его дать интервью. И еще полгода буду просить о переносе. К тому времени мы обе окончим университет. Как редактор, я не могу упустить такой шанс. Ну пожалуйста!

Кейт спрашивает меня хриплым, простуженным голосом. Как у нее это получается? Даже больная она прекрасна, как эльф: золотисто-рыжие волосы лежат волосок к волоску, а зеленые глаза, покрасневшие и слезящиеся, все равно сияют.

— Конечно, я съезжу, Кейт. Иди ложись. Тебе купить найквил? Или тайленол?

— Найквил, пожалуйста. Не забудь взять мои вопросы и портативный диктофон. Тебе надо просто нажать на запись. Я потом расшифрую.

— Я ведь ничего про него не знаю, — бормочу я, стараясь подавить приступ паники.

— У тебя есть готовые вопросы — это уже полдела. Иди, а то опоздаешь. Ехать далеко.

— Ладно, иду. Ложись в постель. Я сварила тебе суп, разогрей попозже.

Я смотрю на нее с нежностью. «Только ради тебя, Кейт».

— Хорошо. Удачи. Спасибо, Ана, ты, как всегда, моя спасительница.

Я криво улыбаюсь и, взяв сумку, выхожу на улицу, к машине. Просто не верится, что я позволила себя уговорить. Впрочем, Кейт уболтает кого угодно. Из нее получится отличная журналистка. Для этого у нее есть все данные: ясный ум, воля, напор, умение убеждать. А кроме того, она просто красавица и моя самая-самая любимая подруга.

Рано утром я выезжаю из Ванкувера, штат Вашингтон, на трассу I-5. Машин на дорогах пока еще немного, а в Сиэтле мне надо быть только в два. К счастью, Кейт одолжила мне свой спортивный «Мерседес SLK». Вряд ли Ванда — мой старенький «Фольксваген-жук» — смогла бы одолеть это расстояние за такое короткое время. На «мерсе» ехать приятно: я

выжимаю газ до отказа, и мили пролетают одна за другой.

Я еду в штаб-квартиру глобальной империи мистера Грея. Это громадное двадцатиэтажное офисное здание из причудливо изогнутого стекла и металла — утилитарная фантазия архитектора. Над стеклянными входными дверьми сдержанная надпись стальными буквами — «Грей Хаус». Без четверти два — слава богу, не опоздала! — я вхожу в огромный, откровенно устрашающий холл, отделанный белым песчаником.

Из-за стола мне приветливо улыбается привлекательная ухоженная блондинка. На ней потрясающий серый пиджак с белой блузкой. Выглядит она безукоризненно.

— У меня назначена встреча с мистером Греем. Анастейша Стил вместо Кэтрин Кавана.

— Одну минуту, мисс Стил. — Блондинка слегка выгибает бровь.

Я стою перед ней страшно смущенная и жалею, что не одолжила у Кейт пиджак и заявила сюда в синей курточке. Я надела свою единственную юбку, коричневые сапоги до колена и голубой джемпер. По моим меркам, это очень элегантно. Заправляю за ухо выбившийся локон и делаю вид, будто мне совсем не страшно.

— Мисс Кавана назначена встреча. Пожалуйста, распишитесь здесь, мисс Стил. Последний лифт с правой стороны, двадцатый этаж.

Блондинка любезно улыбается, глядя, как я расписываюсь: похоже, ей смешно.

Она протягивает пропуск, на котором крупными буквами стоит «Посетитель». Я не могу сдержать глупой ухмылки. Ну конечно, у меня на лбу написано, что я просто посетитель. Таким тут не место. «И в этом нет ничего нового», — вздыхаю я про себя. Поблагодарив, иду к лифтам мимо двух охранников, одетых в черные, отлично пошитые костюмы. Они выглядят гораздо элегантней, чем я.

Лифт с убийственной скоростью возносит меня на двадцатый этаж. Двери автоматически распахиваются, и я оказываюсь в другом большом холле — снова стекло, сталь и белый песчаник. Передо мной еще один стол и очередная блондинка в деловом черном костюме и белой блузке, которая, увидев меня, встает.

— Мисс Стил, не могли бы вы подождать здесь? — Она указывает на ряд кресел, обтянутых белой кожей.

За кожаными креслами — огороженный стеклянной стеной просторный зал для переговоров с длинным столом темного дерева и по меньшей мере двадцатью такими же стульями по бокам. За ними окно во всю стену, из которого открывается панорама Сиэтла до самого залива. Вид потрясающий, и я на мгновение замираю, очарованная. Здорово!

Присев на кресло, достаю из сумки вопросы и еще раз их просматриваю, мысленно проклиная Кейт за то, что она не дала мне хотя бы краткой биографии мистера Грея. Я ведь ничего не знаю о человеке, у которого собираюсь брать интервью. Ему с равным успехом может быть и тридцать, и девяносто. Незнание жутко раздражает, и от волнения я начинаю ерзать на кресле. Никогда не любила брать интервью с глазу на глаз. Куда лучше анонимность пресс-конференций, на которых можно тихонько посидеть на заднем ряду. Если совсем честно, то мне больше по душе свернуться калачиком в кресле и углубиться в чтение классического британского романа, а не сидеть, изнемогая от волнения, в огромных прозрачных залах.

Я мысленно закатываю глаза. Соберись, Стил. Судя по стерильной чистоте и современности здания, мистеру Грею должно быть немного за сорок: подтянутый, загорелый и светловолосый — под стать своим сотрудникам.

Еще одна элегантная, безупречно одетая блондинка выходит из большой двери справа.

Интересно, они тут все такие? Прямо как в Степфорде. Глубоко вздохнув, я встаю.

— Мисс Стил? — спрашивает последняя блондинка.

— Да, — хриплю я и прочищаю горло. — Да. — Теперь получилось немного уверенней.

— Мистер Грей сейчас освободится. Вы позволите вашу куртку?

— Да, пожалуйста. — Я высвобождаюсь из жакета.

— Вам предложили напитки?

— Э-э... нет.

Ой, кажется, я подставила блондинку номер один?

Блондинка номер два хмурится и строго смотрит на молодую женщину за столом.

— Что вы предпочитаете: чай, кофе, воду? — снова поворачивается она ко мне.

— стакан воды, пожалуйста, — бормочу я.

— Оливия, будьте добры, принесите мисс Стил стакан воды. — В ее голосе слышен металл.

Оливия срывается с места и стремглав исчезает за дверью в противоположном конце фойе.

— Прошу прощения, мисс Стил. Оливия — наш новый сотрудник. Прошу вас, посидите немного. Мистер Грей примет вас через пять минут.

Оливия возвращается со стаканом ледяной воды.

— Прошу вас, мисс Стил.

— Спасибо.

Блондинка номер два, звонко цокая каблучками, марширует к большому столу, садится, и они обе погружаются в работу.

Наверное, мистер Грей берет на работу одних только блондинок. Я рассеянно размышляю, не противоречит ли это закону, и тут дверь кабинета открывается. Оттуда выходит высокий, элегантно одетый чернокожий мужчина с короткими дредами. Да, с одеждой я определенно промахнулась.

Он поворачивается и бросает через плечо:

— Гольф на этой неделе, Грей.

Ответа я не слышу. Он поворачивается, видит меня и улыбается, чуть сощуривая темные глаза. Оливия вскакивает и вызывает лифт. Похоже, она здорово в этом деле натренировалась. И нервничает даже больше, чем я.

— Всего вам доброго, дамы, — произносит мужчина и скрывается за раздвижной дверью.

— Мистер Грей готов вас принять, мисс Стил, заходите, — произносит блондинка номер два.

Я встаю и чувствую, что ноги у меня подгибаются. Стараясь справиться с нервами, хватаю сумку и, оставив стакан с водой прямо на кресле, направляюсь к приоткрытой двери.

— Можете не стучать — просто заходите, — мило улыбается она.

Я открываю дверь, заглядываю внутрь и, споткнувшись о собственную ногу, падаю головой вперед.

Черт, ну нельзя же быть такой неуклюжей! Я стою на четвереньках в дверях кабинета мистера Грея, и чьи-то добрые руки помогают мне подняться. Дурацкая ситуация. Я боюсь поднять глаза. Черт! Да он совсем молодой.

— Мисс Кавана. — Едва я поднимаюсь на ноги, он протягивает мне руку с длинными пальцами. — Кристиан Грей. Вы не ушиблись? Присаживайтесь.

Молодой, высокий и очень симпатичный. В великолепном сером костюме и белой рубашке с черным галстуком. У него непослушные темно-медные волосы и пронизательные серые глаза, которые внимательно меня разглядывают. Проходит какое-то время, прежде чем я вновь обретаю дар речи.

— Нет, так получилось... — бормочу я.

Если ему больше тридцати, то я — испанский летчик. Бессознательно я протягиваю ему руку. Когда наши пальцы соприкасаются, по моему телу пробегает странная, пьянящая дрожь. Я в смущении отдергиваю руку. Наверное, электрический разряд. Мои ресницы хлопают в такт биению сердца.

— Мисс Кавана заболела, я приехала вместо нее. Надеюсь, вы не возражаете, мистер Грей.

— А вы кто?

В голосе слышна теплота. По-видимому, ситуация его забавляет, хотя трудно судить по невозмутимому выражению лица. Возможно, он заинтересован, но, главным образом, вежлив.

— Анастейша Стил. Я изучаю английскую литературу вместе с Кейт, э-э... Кэтрин... э-э... мисс Кавана.

— Понятно, — говорит он просто. Кажется, на его лице проскальзывает улыбка, но я не уверена.

— Присаживайтесь. — Он делает жест в сторону углового дивана, обтянутого белой кожей.

Его кабинет слишком велик для одного человека. Напротив огромных, во всю стену, окон стоит невероятных размеров стол черного дерева, вокруг которого легко разместятся шесть человек. В таком же стиле журнальный столик рядом с диваном. Все остальное: потолок, пол и стены — белого цвета, за исключением висящей рядом с дверью мозаики из тридцати шести маленьких картин, составляющих один большой квадрат. Привычные, повседневные предметы выписаны на них так тщательно, что кажется, будто перед тобой фотографии. Все вместе смотрится потрясающе — аж дух захватывает.

— Местная художница. Трoutон, — поясняет Грей, проследив мой взгляд.

— Здорово. Удивительное в обыденном, — бормочу я, смущаясь и от его замечания, и от картин.

Он склоняет голову набок и внимательно на меня смотрит.

— Совершенно с вами согласен, мисс Стил, — произносит Грей негромко, и я почему-то краснею.

Если не считать картин, его кабинет — холодный, чистый и абсолютно стерильный. Интересно, это и есть отражение внутреннего мира Адониса, грациозно опустившегося в одно из белых кожаных кресел напротив меня? Я встряхиваю головой, стараясь отогнать ненужные мысли, и достаю из сумки вопросы, которыми снабдила меня Кейт. Затем пытаюсь подготовить к работе портативный диктофон. У меня ничего не получается, я два раза роняю его на журнальный столик. Мистер Грей молчит и — надеюсь — терпеливо ждет, а я все больше волнуюсь и нервничаю. Когда же я наконец набираюсь смелости поднять на него глаза, одна рука у него расслабленно лежит на колене, а второй он обхватил подбородок, приложив длинный указательный палец к губам. По-моему, он пытается подавить улыбку.

— Прошу прощения. — Уф, наконец-то получилось. — Я еще с ним не освоилась.

— Не торопитесь, мисс Стил, — произносит Грей.

— Вы не против, если я запишу ваши ответы?

— После того, как вы с таким трудом справились с диктофоном? Вы еще спрашиваете?

К моим щекам приливает краска. Я моргаю, не зная, что сказать. Он, по-видимому, пожалев меня, смягчается:

— Нет, не против.

— Кейт, то есть мисс Кавана, говорила вам о целях интервью?

— Да, оно для студенческой газеты, поскольку я буду вручать дипломы на выпускной церемонии.

Ого! Для меня это новость, и я сразу представляю себе, как кто-то немногим старше меня, пусть даже суперуспешный, будет вручать мне диплом. Я хмурюсь, стараясь сосредоточить ускользающее внимание на более близкой задаче.

— Хорошо. — Я сглатываю слюну. — У меня к вам несколько вопросов.

Снова закладываю за ухо непослушный локон.

— Я не удивлен, — невозмутимо произносит он. Да этот мистер Грей просто смеется надо мной! Щеки у меня горят, я стараюсь сесть прямо и расправить плечи, чтобы казаться выше и уверенней. С видом настоящего профессионала жму на кнопку.

— Вы очень молоды и тем не менее уже владеете собственной империей. Чему вы обязаны своим успехом?

Он сочувственно улыбается, но выглядит немного разочарованным.

— Бизнес — это люди, мисс Стил, и я очень хорошо умею в них разбираться. Я знаю, что их интересует, чему они радуются, что их вдохновляет и как их стимулировать. У меня работают превосходные специалисты, и я хорошо им плачу. — Он замолкает и внимательно смотрит на меня. — По моему убеждению, для того, чтобы добиться успеха в каком-нибудь деле, надо овладеть им досконально, изучить его изнутри до малейших подробностей. Я очень много для этого работаю. Решения, которые я принимаю, основаны на фактах и логике. У меня природный дар распознавать стоящие идеи и хороших сотрудников. Результат всегда зависит от людей.

— Может быть, вам просто везло? — Этого вопроса у Кейт нет, но он так заносчив!

Я вижу, как в его глазах вспыхивает удивление.

— Я не полагаюсь на случай или на везение, мисс Стил. Чем больше я работаю, тем больше мне везет. Все дело в том, чтобы набрать в свою команду правильных людей и направить их энергию в нужное русло. Кажется, Харви Файрстоун говорил, что «величайшая задача, стоящая перед лидером, — это рост и развитие людей».

— А вы, похоже, диктатор. — Слова вырываются у меня прежде, чем я успеваю сдержаться.

— Да, я стараюсь все держать под контролем, мисс Стил.

В словах мистера Грея нет ни капли шутки. Я гляжу на него, он невозмутимо смотрит мне прямо в глаза. Мое сердце начинает биться чаще, я снова краснею.

Почему я так смущаюсь? Может, из-за того, что он невероятно хорош собой? Или из-за блеска в его глазах? Или из-за того, как он касается указательным пальцем верхней губы? Лучше бы он так не делал.

— Кроме того, безграничной властью обладает лишь тот, кто в глубине души уверен, что рожден управлять другими, — тихим голосом продолжает Грей.

— Вы чувствуете в себе безграничную власть?

«Ну точно диктатор!»

— Я даю работу сорока тысячам человек, мисс Стил, и потому чувствую определенную ответственность — называйте это властью, если хотите. Если я вдруг сочту, что меня больше не интересует телекоммуникационный бизнес и решу его продать, то через месяц или около того двадцати тысячам человек будет нечем выплачивать кредиты за дом.

У меня отваливается челюсть. Потрясающая бесчеловечность.

— Разве вы не должны отчитываться перед советом?

— Я владелец компании. И ни перед кем не отчитываюсь.

Он кривит бровь, глядя на меня. Я снова краснею. Ну конечно, я должна была это знать, если бы готовилась к интервью. Но каков наглец!.. Пробую зайти с другой стороны.

— А чем вы интересуетесь кроме работы?

— У меня разнообразные интересы, мисс Стил. — Тень улыбки касается его губ. — Очень разнообразные.

Не знаю почему, но меня смущает и волнует пристальный взгляд. В глазах Грея мне чудится какая-то порочность.

— Но если вы так много работаете, как вы расслабляетесь?

— Расслабляюсь? — Он улыбается, обнажая ровные белые зубы. У меня перехватывает дыхание. Нельзя быть таким красивым. — Ну, для того чтобы, как вы выразились, расслабиться, я хожу под парусом, летаю на самолете и занимаюсь различными видами физической активности. Я очень богат, мисс Стил, и поэтому у меня дорогие и серьезные увлечения.

Чтобы сменить тему, я быстро просматриваю вопросы, которые дала мне Кейт.

— Вы инвестируете в производство. Зачем?

Почему мне так неловко в его присутствии?

— Мне нравится созидать. Нравится узнавать, как устроены вещи, почему они работают, из чего сделаны. И особенно я люблю корабли. Что еще тут можно сказать?

— Получается, что вы прислушиваетесь к голосу сердца, а не к фактам и логике.

Он усмехается и смотрит на меня оценивающе.

— Возможно. Хотя некоторые говорят, что у меня нет сердца.

— Почему?

— Потому что хорошо меня знают. — Его губы изгибаются в кривой улыбке.

— Вы легко сходитесь с людьми?

Я пожалела об этом вопросе сразу же, как только его задала. В списке Кейт его не было.

— Я очень замкнутый человек, мисс Стил. И многим готов пожертвовать, чтобы защитить свою личную жизнь. Поэтому редко даю интервью, — заканчивает он.

— А почему вы согласились на этот раз?

— Потому что я оказываю финансовую поддержку университету, и к тому же от мисс Кавана не так-то легко отделаться. Она просто мертвой хваткой вцепилась в мой отдел по связям с общественностью, а я уважаю такое упорство.

Да уж, упорства Кейт не занимать. Именно поэтому, вместо того чтобы готовиться к экзаменам, я сижу здесь и ерзаю от смущения под пронизывающим взглядом Грея.

— Вы также вкладываете деньги в сельскохозяйственные технологии. Почему вас интересует этот вопрос?

— Деньги нельзя есть, мисс Стил, а каждый шестой житель нашей планеты голодает.

— То есть вы делаете это из филантропии? Вас волнует проблема нехватки продовольствия?

Грей уклончиво пожимает плечами.

— Это хороший бизнес, — говорит он, как мне кажется, не совсем искренне.

Я не вижу тут никаких возможностей для извлечения прибыли, одну только благотворительность. Немного недоумевая, задаю следующий вопрос:

— У вас есть своя философия? И если да, то в чем она заключается?

— Своей философии как таковой у меня нет. Ну разве что руководящий принцип — из Карнеги: «Тот, кто способен полностью владеть своим рассудком, овладеет всем, что принадлежит ему по праву». Я человек целеустремленный и самодостаточный. Мне нравится все держать под контролем: и себя и тех, кто меня окружает.

— Так значит, вам нравится владеть?

«Тиран!»

— Я хочу заслужить обладание, но в целом — да, нравится.

— Вы суперпотребитель?

— Точно.

Он улыбается, хотя глаза остаются серьезными. Это расходится с его словами о том, что он хочет накормить голодных. У меня неприятное чувство, будто мы говорим о чем-то другом, только я совершенно не понимаю, о чем. Я сглатываю. В комнате становится жарко, а может, меня просто бросило в жар. Поскорее бы закончилось интервью. Ведь у Кейт уже достаточно материала?.. Я смотрю на следующий вопрос.

— Вы приемный ребенок. Как это на вас повлияло?

Ой, какая бестактность! Я смотрю на Грея, надеясь, что он не обиделся. Он хмурит брови.

— У меня нет возможности это узнать.

Мне становится интересно.

— Сколько вам было лет, когда вас усыновили?

— Эти данные можно почерпнуть из общедоступных источников, мисс Стил.

Суров. Я снова краснею. Черт! Конечно, если бы я готовилась к интервью, то знала бы его биографию. Быстро перехожу к следующему пункту.

— У вас нет семьи, поскольку вы много работаете.

— Это не вопрос. — Он краток.

— Прошу прощения. — В его присутствии я чувствую себя нашкодившим ребенком. — Вам пришлось пожертвовать семьей ради работы?

— У меня есть семья. Брат, сестра и любящие родители. Никакой другой семьи мне не надо.

— Вы гей, мистер Грей?

Он резко вздыхает, и я в ужасе съеживаюсь. Зачем я читаю все подряд? Как теперь объяснишь, что вопросы не мои? Ох уж эта Кейт! Нашла что спрашивать!

— Нет, Анастейша, я не гей.

Брови удивленно подняты, в глазах холодный блеск. Похоже, ему неприятно.

— Прошу прощения. Тут так написано.

В первый раз за все время он назвал меня по имени. Сердце у меня забилось, а щеки опять покраснели. Я снова пытаюсь заложить за ухо непослушную прядь.

Он склоняет голову набок.

— Вы не сами писали вопросы?

Кровь отливает у меня от лица. Только не это.

— Э... нет. Кейт, то есть мисс Кавана, дала мне список.

— Вы с ней вместе работаете в студенческой газете?

Черт! Я не имею никакого отношения к студенческой газете. Это ее общественная работа, а не моя. Мое лицо пылает.

— Нет, она моя соседка по комнате.

Грей в раздумье трет подбородок, его серые глаза оценивающе смотрят на меня.

— Вы сами вызвались на это интервью? — спрашивает он ровным голосом.

Постойте, кто тут кого интервьюирует? Но под его прожигающим насквозь взглядом я вынуждена отвечать правду.

— Меня попросили. Она заболела, — почти шепчу я.

— Тогда понятно.

В дверь стучат, и входит блондинка номер два.

— Прошу прощения, мистер Грей, через две минуты у вас следующий посетитель.

— Мы еще не закончили, Андреа. Пожалуйста, отмените встречу.

Андреа в нерешительности глядит на него, похоже, не зная, что предпринять. Он медленно поворачивается в ее сторону и поднимает бровь. Она заливается краской. О господи, не одна я такая.

— Хорошо, мистер Грей, — бормочет она и выходит.

Он хмурится и снова переносит внимание на меня.

— Так на чем мы остановились, мисс Стил?

О, мы вернулись к «мисс Стил».

— Мне неловко отрывать вас от дел.

— Я хочу узнать о вас побольше. По-моему, это справедливо.

В его серых глазах горит любопытство. Вот влипла! Что ему надо? Он кладет руки на подлокотники и сплетает пальцы под подбородком. Его рот меня ужасно... отвлекает. Я сглатываю.

— Ничего интересного, — говорю я, снова краснея.

— Чем вы намерены заниматься после университета?

Я пожимаю плечами, смущенная его вниманием. «Переберусь вместе с Кейт в Сиэтл, найду квартиру, устраюсь на работу», — так далеко я не загадывала.

— Еще не решила, мистер Грей. Сначала мне нужно сдать выпускные экзамены.

К которым я должна сейчас готовиться — а не сидеть в роскошном стерильном офисе, изнывая под вашим пронизывающим взглядом.

— У нас отличные программы стажировки для выпускников, — произносит Грей негромко, и у меня глаза лезут на лоб. Он предлагает мне работу?

— Хорошо, буду иметь в виду, — бормочу я, совершенно сбита с толку. — Хотя, по-моему, я вам не гожусь.

Черт. Лучше бы я промолчала.

— Почему вы так думаете?

Он вопросительно склоняет голову на сторону, тень улыбки мелькает на губах.

— Это же очевидно.

Я неуклюжая, растрепанная и не блондинка.

— Мне — нет.

Взгляд его становится пристальным, он вовсе не шутит, и у меня внезапно сводит мышцы где-то в глубине живота. Я отвожу глаза и упираюсь взглядом в свои сплетенные

пальцы. Что вообще происходит? Мне пора идти. Я тянусь за диктофоном.

— Если позволите, я вам все тут покажу, — предлагает он.

— Мне бы не хотелось отрывать вас от дел, мистер Грей, а кроме того, у меня впереди очень долгая дорога.

— Вы хотите сегодня вернуться в Ванкувер, в университет? — Он удивлен и даже встревожен. Мельком смотрит в окно, за которым начинает накрапывать дождь. — Езжайте осторожнее, — говорит он строго. Ему-то какое дело? — Вы все взяли, что хотели?

— Да, сэр, — отвечаю я, заталкивая диктофон в сумку. — Благодарю вас за интервью, мистер Грей.

— Было очень приятно с вами познакомиться. — Неизменно вежлив.

Я встаю. Грей тоже встает и протягивает мне руку.

— До скорой встречи, мисс Стил.

Это похоже на вызов или на угрозу. Трудно разобрать. Я хмурюсь. Зачем нам встречаться? Когда я пожимаю его руку, то снова чувствую между нами этот странный электрический ток. Наверное, я переволновалась.

— Всего доброго, мистер Грей.

С плавной грацией атлета он подходит к двери и распахивает ее передо мной.

— Давайте я помогу вам выбраться отсюда, мисс Стил. — Грей чуть улыбается. Очевидно, намекает на мое совсем не изящное появление в его кабинете.

— Вы очень предусмотрительны, мистер Грей, — огрызаюсь я, и его улыбка становится шире. «Рада, что позабавила вас, мистер Грей», — мысленно шиплю я и от негодования выхожу в фойе. К моему удивлению, он выходит вместе со мной. Андреа и Оливия поднимают головы, они тоже удивлены.

— У вас было пальто? — спрашивает Грей.

— Да.

Оливия вскакивает и приносит мою куртку, но не успевает подать мне — ее забирает Грей. Он помогает мне одеться, я, смущаясь, влезаю в куртку. На мгновение Грей кладет руки мне на плечи. У меня перехватывает дыхание. Если он и замечает мою реакцию, то ничем это не выдает. Его длинный указательный палец нажимает на кнопку вызова лифта, и мы стоим и ждем: я — изнывая от неловкости, он — совершенно невозмутимо. Наконец двери подъехавшего лифта открывают путь к спасению. Мне необходимо как можно скорее выбраться отсюда. Обернувшись, я вижу, что Грей стоит рядом с лифтом, опершись рукой о стену. Он очень, очень красив. Меня это смущает. Не сводя с меня пронзительного взгляда серых глаз, он произносит:

— Анастейша.

— Кристиан, — отвечаю я.

К счастью, дверь закрывается.

Глава 2

Сердце колотится. Лифт приезжает на первый этаж, и я выскакиваю из него сразу же, как только раскрываются двери, спотыкаюсь на ходу, но, к счастью, удерживаюсь на ногах. Не хватало еще растянуться прямо здесь — на безупречно чистом каменном полу. Я пулей вылетаю из широких стеклянных дверей и окунаюсь в бодрящий сырой воздух Сиэтла. Подняв лицо, ловлю холодные капли освежающего дождя и стараюсь дышать глубоко, чтобы вернуть утраченное душевное равновесие.

Ни один мужчина не производил на меня такого впечатления, как Кристиан Грей. Что в нем особенного? Внешность? Обаяние? Богатство? Власть? Всё равно непонятно, что на меня нашло. Хорошо хоть все позади. Я вздыхаю с облегчением, прислонившись к стальной колонне, изо всех сил стараюсь собраться с мыслями. Трясу головой. Господи, да что же это такое! Наконец сердце успокаивается, и я снова могу нормально дышать. Теперь можно идти к машине.

Выехав из города, снова и снова прокручиваю в памяти интервью. Вот ведь неуклюжая дура! Похоже, я все напридумывала, а теперь переживаю. Допустим, он очень красивый, спокойный, властный, уверенный в себе. И в то же время — холодный, высокомерный и деспотичный, несмотря на безупречные манеры. Однако можно посмотреть и с другой стороны. Невольный холодок бежит у меня по спине. Да, высокомерный, но у него для этого есть все основания — такой молодой, а уже очень многого добился. Он не любит дураков, а кто их любит? Я снова злюсь на Кейт — ничего не сказала мне о его биографии.

По пути к I-5 мне не дает покоя вопрос: что заставляет человека стремиться к успеху? Некоторые ответы Грея похожи на головоломку — как будто в них есть какой-то скрытый смысл. А уж вопросы! Как можно спрашивать про усыновление? И не гей ли он? Я содрогаюсь. Неужели я произнесла это вслух? Ох, ну ничего себе! Теперь буду мучиться неловкостью... Черт бы побрал Кэтрин Кавана!

Я смотрю на спидометр: скорость меньше, чем обычно. И я знаю, это из-за двух пронизательных серых глаз и строгого голоса, приказывающего ехать аккуратно. Я встряхиваю головой и понимаю, что Грей ведет себя так, словно он в два раза старше своих лет.

«Забудь о нем, Ана», — одергиваю я себя. Интересное вышло приключение, но не стоит на нем заикливаться. Все уже закончилось. Я никогда его больше не увижу. От этой мысли настроение сразу же улучшается. Я включаю MP3-плеер, делаю звук погромче, откидываюсь на спинку сиденья и под пульсирующий грохот выжимаю педаль газа. На подъезде к I-5 я замечаю, что еду быстро — так, как хочется мне.

Мы живем в Ванкувере, штат Вашингтон, в небольшом таунхаусном поселке недалеко от университетского кампуса. Мне повезло: родители Кейт купили ей здесь квартиру, и она берет с меня за жилье совсем смешные деньги. Ее квартира была нашим домом последние четыре года. Подъезжая к дверям, я понимаю, что Кейт от меня не отстанет, пока не получит подробный отчет. Ладно, у нее есть запись. Надеюсь, мне не придется распространяться ни о чем, кроме самого интервью.

— Ана! Ты вернулась! — Кейт сидит в гостиной, обложенная книгами. Она явно

готовилась к экзаменам, хотя на ней по-прежнему розовая фланелевая пижама с симпатичными маленькими кроликами. Кейт надевает ее, только когда ей плохо: после расставания с очередным бойфрендом, во время болезни или в периоды дурного настроения. Она вскакивает мне навстречу и крепко обнимает.

— Я уже начала волноваться. Думала, ты вернешься раньше.

— Если учесть, что интервью затянулось, я еще довольно быстро.

— Ана, спасибо огромное! Я у тебя в долгу по гроб жизни. Расскажи, как все прошло?

Как он тебе?

Ну вот! Пошли расспросы!

Попробуй на это ответить. Ну что я могу сказать?

— Хорошо, что все закончилось и мне больше не надо с ним встречаться. Если честно, я его побаиваюсь. — Я пожимаю плечами. — Он очень настойчивый, даже наглый. К тому же совсем молодой.

Кейт смотрит на меня невинным взглядом. Я хмурюсь.

— Не делай вид, что ты не знала! Почему ты не дала мне его биографию? Он выставил меня идиоткой: я абсолютно ничего не знала о человеке, у которого беру интервью.

Кейт зажимает себе рот ладонью.

— О черт! Ана, прости, я не подумала.

Я злюсь.

— Грей держится вежливо, строго и немного официально — как будто он сильно старше своих лет. Ни за что не скажешь, что ему меньше тридцати. А вообще, сколько ему лет?

— Двадцать семь. Черт, Ана, извини. Я должна была тебе про него рассказать, но я просто впала в панику. Давай диктофон, я расшифрую запись.

— Выглядишь уже лучше. Ты ела суп? — спрашиваю я, чтобы сменить тему.

— Да, очень вкусно, как всегда. Сразу полегчало. — Она благодарно улыбается.

Я смотрю на часы.

— Мне надо бежать. Я еще успеваю в «Клейтонс».

— Ана, ты же устала.

— Ерунда. Пока.

Я работаю в «Клейтонсе» с тех пор, как поступила в Вашингтонский университет. Это самый большой в Портленде несетевой магазин, торгующий инструментами и строительными материалами. За это время я стала немного разбираться в том, что мы здесь продаем, но на самом деле мастерить я совершенно не умею. В нашей семье всякими ремонтными делами занимается папа. Вот посидеть с книжечкой в кресле у камина — это по моей части. Я рада, что успела на свою смену, — смогу сосредоточиться на чем-то помимо Кристиана Грея. У нас много посетителей: начинается летний сезон, и все взялись за ремонт. Миссис Клейтон мне очень обрадовалась.

— Ана! Я уж думала, ты сегодня не придешь!

— Я освободилась пораньше. Так что могу поработать пару часов.

— Вот и замечательно.

Она посылает меня на склад пополнить наши запасы, и вскоре я с головой ухожу в работу.

Вернувшись домой, я застаю Кейт сидящей в наушниках за ноутбуком. Нос у нее по-

прежнему красный, но она с сумасшедшей скоростью стучит по клавишам. Сил совсем не осталось: долгая дорога, изнурительное интервью и тяжелая смена в «Клейтонсе» вымотали меня окончательно. Я валюсь на кушетку, размышляя о недописанном сочинении и о том, как наверстать время, потраченное на... *него*.

— Отличный материал, Ана. Ты просто молодчина. Но я не понимаю, почему ты отказалась, когда он предложил показать тебе свои владения. Он явно не хотел тебя отпускать.

Кейт кидает на меня короткий вопросительный взгляд.

Я краснею, и мое сердце начинает отчаянно биться. Вовсе он не из-за этого. Просто ему хотелось показать, что он здесь господин и повелитель. Я чувствую, что кусаю губу — надеюсь, Кейт не заметила. Похоже, она полностью поглощена расшифровкой.

— Теперь понятно, что ты имела в виду под «официальным тоном». А ты что-нибудь записывала?

— Нет, не записывала.

— Ну и ладно. Тут хватит на статью. Эх, жалко, что у нас нет фотографа. Красивый сукин сын, правда?

Я краснею.

— Да, ничего, — отвечаю я как можно более безразличным тоном. Кажется, у меня получается.

— Да ладно, перестань, Ана, неужели он не произвел на тебя впечатления? — Кейт поднимает идеальную бровь.

Чтоб тебе!.. Я пускаю в ход лесть — это всегда хорошо работает.

— Ты бы из него выжала гораздо больше.

— Сильно сомневаюсь. Он практически предложил тебе работу! С учетом того, что интервью на тебя свалилось в последнюю минуту, ты справилась просто на отлично.

Она задумчиво смотрит на меня, и я спешно отступаю на кухню.

— Так что ты о нем думаешь?

Вот пристала! Как будто больше поговорить не о чем.

— Он необычайно целеустремленный, собранный, высокомерный — даже страшно становится, но притом очень харизматичный. В нем есть свое очарование, тут не поспоришь, — честно отвечаю я, надеясь, что тема закрыта.

— Ты очарована мужчиной? Это что-то новенькое, — фыркает Кейт.

Я начинаю резать сэндвичи, чтобы она не видела моего лица.

— Зачем ты спрашивала, не гей ли он? Кстати, был самый глупый вопрос из всех. Я просто обмерла, да и он явно не обрадовался.

Я морщусь от одного воспоминания.

— В светской хронике нет ни слова о его подружках.

— Ужасно неловко получилось. Да и все интервью... Хорошо, что я больше никогда его не увижу.

— Да ладно, я тебе не верю. Судя по всему, ты ему приглянулась.

Я ему приглянулась? Глупости какие!

— Хочешь сэндвич?

— Да, спасибо.

К моему большому облегчению, мы больше не возвращаемся к разговору о Кристиане

Грее. После ужина я сажусь за обеденный стол рядом с Кейт и, пока она работает над статьей, пишу сочинение по «Тесс из рода д'Эрбервиллей». Черт, она родилась не в то время и не в том месте. Когда я заканчиваю, на часах уже полночь, Кейт давно ушла спать. Я бреду к себе в комнату, усталая, но довольная, что так много сделала за понедельник.

Свернувшись калачиком на белой железной кровати, закутавшись в мамино лоскутное одеяло, я закрываю глаза и моментально засыпаю. Мне снятся темные холлы, холодные белые полы и серые глаза.

Оставшаяся неделя полностью посвящена зубрежке и работе. Кейт тоже занята: ей надо сделать последний номер студенческого журнала (потом она передаст его новому редактору) и, конечно, готовиться к экзаменам. К среде она уже почти поправилась, и мне больше не надо любоваться кроликами на ее фланелевой пижамке. Я звоню маме в Джорджию, узнать, как у нее дела, и чтобы она пожелала мне удачи на выпускных экзаменах. Она рассказывает мне о своей новой затее — производстве свечей. У мамы постоянно возникают новые бизнес-идеи. На самом деле ей скучно и хочется чем-то себя занять, но она не может подолгу думать о чем-нибудь одном. На следующей неделе опять будет что-то новое. Меня это беспокоит. Хочется верить, что она не заложила дом, чтобы найти деньги на предприятие. Надеюсь, Боб — относительно новый, но намного старше ее по возрасту муж — присматривает за ней в мое отсутствие. Он гораздо практичнее, чем муж номер три.

— А как твои дела, Ана?

Всего лишь мгновение я молчу, и она сразу настораживается.

— Все в порядке, мам.

— Ана? У тебя кто-то появился?

Ну ничего себе! Как она догадалась? В ее голосе явно чувствуется волнение.

— Нет, мам, никого. Я тебе первой скажу, если появится.

— Ана, тебе надо почаще бывать на людях. Я за тебя беспокоюсь.

— Мам, со мной все в порядке. А как там Боб?

Отвлечение — самая выгодная тактика, это давно известно.

Ближе к вечеру я звоню Рэю — моему отчиму, маминому мужу номер два, человеку, которого считаю своим отцом и чью фамилию ношу. Мы разговариваем недолго. На самом деле это даже не разговор: он кряхтит в ответ на мои расспросы. Рэй не очень-то разговорчив. Но он все еще жив, все еще смотрит по телевизору футбол, ходит в боулинг и на рыбалку, а в остальное время занимается изготовлением мебели. Рэй — искусный столяр. Это благодаря ему я умею отличить шпатель от ножовки.

В пятницу мы с Кейт обсуждаем, куда бы нам отправиться сегодня вечером — мы хотим отдохнуть от занятий, работы и студенческой газеты, — когда раздается звонок в дверь. На пороге стоит мой старый приятель Хосе с бутылкой шампанского в руках.

— Хосе! Как я рада тебя видеть! — Я на мгновение обнимаю его. — Заходи!

Хосе — первый человек, с которым я познакомилась, когда только приехала в Вашингтонский университет и чувствовала себя одинокой и потерянной. Мы сразу распознали друг в друге родственную душу. У нас не только одинаковое чувство юмора; как выяснилось, Рэй и Хосе-старший служили в армии в одном подразделении. В результате наши отцы тоже стали друзьями. Хосе изучает инженерное дело. В своей семье он первый, кто поступил в колледж. Хосе очень способный парень, но его настоящая страсть —

фотография. Он умеет видеть хорошие кадры.

— У меня для тебя новость. — Он усмехается, темные глаза лучатся.

— Ты хочешь сказать, что тебя еще не вышибли из университета? — поддразниваю я, и он притворно хмурится.

— В следующем месяце в Портлендской галерее пройдет выставка моих фотографий.

— Потрясающе! Поздравляю! — На радостях я снова его обнимаю.

Кейт тоже сияет.

— Так держать, Хосе! Я обязательно напишу об этом в газете. Ах, как же я люблю в самую последнюю минуту, в пятницу вечером, вносить редакторскую правку! — смеется она.

— Это надо отпраздновать. Я приглашаю тебя на открытие. — Хосе пристально смотрит на меня. Я краснею. — Вас обеих, конечно, — добавляет он, смущенно оглядываясь на Кейт.

Мы с Хосе хорошие друзья, хотя я догадываюсь, что ему хотелось бы большего. Он милый и остроумный, но для меня он как брат. Кэтрин часто смеется надо мной, говоря, что у меня просто отсутствует ген, отвечающий за потребность в бойфренде, а на самом деле мне просто не встретился такой человек, который... ну, который бы мне понравился. Хотя где-то в глубине души я мечтаю о дрожащих коленях, сердце, выпрыгивающем из груди, головокружении и бессонных ночах.

Иногда я думаю: может, со мной что-то не так? Может, я слишком много времени проводила в обществе романтических героинь и теперь у меня завышенные ожидания? Увы, никто и никогда не вызывал у меня подобных чувств.

«До недавнего времени», — шепчет едва слышный назойливый голос из подсознания. НЕТ! Я стараюсь подавить воспоминания. Не буду, не буду о нем думать! И еще это ужасное интервью! «Вы гей, мистер Грей?» — я кривлюсь от воспоминания. Да, после нашей встречи он снится мне чуть ли не каждую ночь... Впрочем, так я просто стараюсь избавиться от назойливых мыслей, верно?

Я смотрю, как Хосе открывает бутылку шампанского. Он высок ростом, футболка и джинсы облегают широкие плечи и крепкие мускулы, у него смуглая кожа, темные волосы и жгучие черные глаза. Да, Хосе классный парень, но, думаю, он давно уже понял, что мы с ним просто друзья. Пробка вылетает с громким хлопком, Хосе смотрит на меня и улыбается.

Суббота в магазине — просто кошмар. Нас осаждают толпы умельцев, желающих подремонтировать свои дома. Мистер и миссис Клейтон, Джон и Патрик — еще двое студентов — и я — все сбиваемся с ног. Ближе к обеденному перерыву наступает затишье, и, пока я сижу за прилавком рядом с кассой, медленно поедая бейгл, миссис Клейтон просит меня проверить заказы. Надо сверить каталожные номера товаров, которые нам нужны, и тех, которые мы заказали; по мере того как я проверяю их соответствие, мой взгляд скользит от бланка заказа к экрану компьютера и обратно. Потом я почему-то поднимаю голову... и вижу серые самоуверенные глаза Кристиана Грея, который стоит по ту сторону прилавка и пристально меня рассматривает.

Сердце замирает.

— Мисс Стил, какой приятный сюрприз. — Он и не думает отводить взгляд.

Вот черт! Как он здесь оказался, да еще в таком походном виде: взъерошенные волосы, свитер грубой вязки, джинсы и туристические ботинки? Челюсть у меня отваливается, и в

голове не остается ни одной мысли.

— Мистер Грей, — шепчу я, потому что на большее не способна.

На его губах мелькает тень улыбки, а глаза сияют от смеха, как будто он наслаждается какой-то, одному ему понятной шуткой.

— Я тут случайно оказался поблизости и решил сделать кое-какие покупки. Рад снова видеть вас, мисс Стил.

Его голос теплый и низкий, как растопленный черный шоколад... или что-то в этом роде.

Я встряхиваю головой, чтобы собраться с мыслями. Сердце выстукивает бешеный ритм, от пристального взгляда серых глаз я почему-то краснею как маков цвет. В его присутствии у меня сразу отнимается язык. Мне казалось, что он просто симпатичный. Но это не так. Кристиан Грей просто потрясающе, умопомрачительно красив. И он стоит здесь, в магазине строительных товаров «Клейтонс». Ну и дела. Наконец ко мне возвращается способность думать.

— Ана, меня зовут Ана, — бормочу я. — Что вам показать, мистер Грей?

Он снова улыбается так, словно ему известен какой-то большой секрет. Глубоко вздохнув, я напускаю на себя вид прожженного профессионала — «я-уже-сто-лет-работаю-в-этом-магазине». У меня получится.

— Для начала покажите мне кабельные стяжки, — произносит он. Взгляд серых глаз невозмутим, но задумчив.

Кабельные стяжки?

— У нас есть стяжки различной длины. Показать вам? — отвечаю я тихим прерывающимся голосом и приказываю себе: «Соберись, Стил».

Красивые брови мистера Грея немного хмурятся.

— Да, пожалуйста, мисс Стил, — отвечает он.

Я выхожу из-за прилавка и стараюсь держаться как ни в чем не бывало, но на самом деле сейчас у меня в голове только одна мысль: лишь бы не упасть. Ноги внезапно превратились в желе. Как хорошо, что я сегодня надела свои лучшие джинсы.

— Это в электротоварах, в восьмом ряду. — Мой голос звучит чуть радостней, чем следует. Я смотрю на него и сразу же об этом жалею. Черт, какой же он красивый.

— Только после вас, — произносит Грей, сделав мне пригласительный жест рукою с безупречным маникюром.

Мне трудно дышать: сердце бьется у самого горла и вот-вот выскочит изо рта. Я иду по проходу в секцию электрооборудования. Как он оказался в Портленде? И что ему надо в «Клейтонсе»? Крошечный, незагруженный уголок моего сознания — вероятно, расположенный в основании продолговатого мозга — подсказывает: «Он здесь из-за тебя». Нет, ерунда, не может такого быть! Зачем я могла понадобиться этому красивому, богатому человеку с изысканными манерами? Мысль кажется мне нелепой, и я выкидываю ее из головы.

— Вы приехали в Портленд по делам? — спрашиваю я, и мой голос срывается на визг, как будто мне прищемило дверью палец.

«Черт! Ана! Постарайся успокоиться!» — внушаю я себе.

— Заехал на экспериментальную ферму Вашингтонского университета, расположенную в Ванкувере. Я финансирую кое-какие исследования в области севооборота и почвоведения, — ответил он равнодушно.

Видишь? А вовсе не для того, чтобы найти тебя, смеется надо мной мое подсознание, громко, гордо и недовольно. Я выкидываю из головы дурацкие непрошенные мысли.

— Это часть вашего всемирного продовольственного плана?

— Что-то вроде того, — признается Грей, и его губы изгибаются в полуулыбке.

Он изучает имеющийся у нас выбор кабельных стяжек. Что он намерен с ними делать? Он не похож на домашнего умельца. Его пальцы скользят по выложенным на полке упаковкам, и по какой-то необъяснимой причине я не могу на это смотреть. Грей наклоняется и выбирает пакет.

— Вот эти подойдут, — говорит он с заговорщической улыбкой.

— Что-нибудь еще?

— Да, мне нужна изолента.

— Вы делаете ремонт? — Слова вылетают у меня прежде, чем я успеваю подумать. Конечно, он может нанять рабочих, да и наверняка у него есть специальный отдел.

— Нет, это не для ремонта, — отвечает он и хмыкает, и я с ужасом понимаю, что он смеется надо мной.

Что во мне смешного? Я не так одета?

— Сюда, пожалуйста, — в смущении бормочу я. — Изолента в товарах для ремонта.

Грей идет за мной следом.

— А вы давно здесь работаете?

Почему я так нервничаю в его присутствии? Я чувствую себя четырнадцатилетней девочкой — неловкой и чужой. Равнение прямо, Стил!

— Четыре года.

Мы пришли, и, чтобы отвлечься, я наклоняюсь и достаю два мотка изоленты из тех, что у нас есть.

— Я возьму вот эту, — мягко произносит Грей, указывая на более широкую, которую я ему протягиваю. Наши пальцы на мгновение соприкасаются, и снова я ощущаю разряд электрического тока, словно дотронулась до оголенного провода. Я чувствую, как импульс проходит по моему телу и исчезает где-то в глубине живота, и непроизвольно задерживаю дыхание в отчаянной попытке вернуть себе душевное равновесие.

— Что-нибудь еще? — интересуюсь я внезапно охрипшим голосом.

Его глаза слегка расширяются.

— Наверное, веревку, — произносит он хрипло, прямо как я.

— Сюда, пожалуйста. — Я наклоняю голову, чтобы скрыть смущение, и иду вдоль прохода. — Какую именно веревку? У нас есть синтетические и из натуральных волокон... бечевка... шнур...

Я замолкаю под взглядом его потемневших глаз. Черт!

— Отрежьте мне, пожалуйста, пять ярдов из естественных волокон.

Трясущимися пальцами я отмеряю по линейке пять ярдов, чувствуя на себе прожигающий взгляд. Я не смею поднять глаза. Господи, ну почему я так трясусь? Достав из заднего кармана джинсов канцелярский нож, я отрезаю веревку и аккуратно ее сматываю прежде, чем завязать скользким узлом. Каким-то чудом ухитряюсь при этом не оттяпать себе палец.

— Вы были в скаутском лагере? — спрашивает он, и его лепные чувственные губы изгибаются от удивления. «Не смотри на его рот!» — приказываю я себе.

— Нет, военно-полевые игры — это не мое, мистер Грей.

Он поднимает бровь.

— А что же вам нравится, Анастейша? — В мягком голосе вновь слышна затаенная усмешка.

Я поднимаю на него глаза, не в силах произнести ни слова. «Постарайся держать себя в руках, Ана», — буквально умоляет мое измученное подсознание.

— Книги, — шепчу я, но моя душа так и рвется сказать ему: «Вы! Мне нравитесь вы!» Я сразу же отбрасываю подобные мысли, в ужасе от того, что позволила своему внутреннему «я» зайти слишком далеко.

— А какие книги? — Он наклоняет голову набок.

Ему-то какая разница?

— Ну, обычные. Классика. Британская литература в основном.

Грей трет подбородок длинным указательным пальцем, как бы обдумывая мой ответ. Скорее всего, ему просто скучно, и он пытается это скрыть.

— Вам нужно что-нибудь еще? — Надо сменить тему: пальцы, касающиеся лица, меня ужасно отвлекают.

— Даже не знаю. А вы что посоветуете?

«Ну как я могу посоветовать? Я ведь понятия не имею, чем вы занимаетесь», — едва не срывается с моих губ, но вслух я интересуюсь:

— Вы собрались что-то мастерить? — Я краснею, и глаза мои почему-то сами опускаются на его облегающие джинсы. — Купите рабочий комбинезон, — продолжаю я, понимая, что уже не могу контролировать слова.

Он поднимет бровь: очевидно, я опять его насмешила.

— Чтобы не испачкать одежду. — Я делаю неопределенный жест в сторону его джинсов.

— Ее всегда можно снять, — ухмыляется Грей.

— Хм. — Я чувствую, что мои щеки снова заливаются краской. Наверное, я сейчас цвета коммунистического манифеста. «Хватит болтать. Прекрати болтать немедленно», — приказывает подсознание.

— Возьму-ка я парочку комбинезонов. А то, не дай бог, одежду испорчу, — говорит он без всякого выражения.

Я представляю себе Кристиана Грей без джинсов и тут же стараюсь избавиться от этого видения.

— Что-нибудь еще? — пишу я, протягивая ему парочку синих комбинезонов.

Он не обращает внимания на мой вопрос.

— Как продвигается ваша статья?

Наконец-то нормальный вопрос, без всяких намеков и экивоков... вопрос, на который я могу ответить. Я хватаюсь за него крепко обеими руками, как за спасательный плот, и честно отвечаю:

— Статью пишу не я, а Кэтрин. Мисс Кавана. Моя соседка по комнате, начинающая журналистка. Она — редактор студенческого журнала и страшно переживала, что не смогла приехать сама, чтобы взять у вас интервью. — Я ужасно рада, что наконец-то можно передохнуть от его двусмысленных замечаний. — Статья получилась отличная, только Кейт расстраивается, что у нее нет ваших фотографий.

Грей поднимает бровь.

— А какого рода фотографии ей нужны?

Неожиданный ответ. Я качаю головой, потому что не знаю.

— Ну хорошо, я пока здесь. Может, завтра... — Он умолкает.

— Вы согласны на фотосессию? — Я опять взвизгиваю. Кейт будет на седьмом небе от счастья, если я сумею это повернуть. «И ты сможешь снова увидеть его завтра», — тихонько нашептывает темный уголок моего подсознания. Я отбрасываю эту глупую, несуразную мысль.

— Кейт ужасно обрадуется... Если, конечно, мы найдем фотографа. — Я так довольна, что расплываюсь до ушей.

Грей открывает рот, словно ему не хватает воздуха, и хлопает ресницами. Какое-то мгновение он выглядит потерянным. Земля сдвигается с оси, и тектонические плиты смещаются со своих мест.

О боже! Кажется, Кристиан Грей обескуражен.

— Сообщите мне насчет завтра. — Он достает из заднего кармана бумажник и протягивает мне визитку. — Вот моя карточка. Это номер мобильного. Позвоните завтра утром до десяти.

— Хорошо. — Я улыбаюсь в ответ. Кейт будет в восторге.

— Ана!

На другом конце прохода материализуется Пол — младший брат мистера Клейтона. Я слышала, что он вернулся из Принстона, но не ожидала сегодня его увидеть.

Мы с Полом всегда были приятелями, и сейчас, когда предо мной стоит богатый, могущественный, невероятно привлекательный Кристиан Грей, привыкший все держать под контролем, очень хочется поговорить с нормальным человеком. Пол застаёт меня врасплох и крепко обнимает.

— Ана, привет, рад тебя видеть! — в восторге кричит он.

— Привет, Пол! Как поживаешь? Приехал на день рождения к брату?

— Ага. Ты выглядишь просто потрясающе, Ана, — ухмыляется он, разглядывая меня на расстоянии вытянутой руки. Затем он разжимает объятия, но оставляет свою руку на моем плече. Я в смущении переминаюсь с ноги на ногу. Пол — хороший парень, только немного бесцеремонный.

Когда я снова перевожу взгляд на Кристиана Грея, он смотрит на нас, как ястреб: серые глаза прикрыты и задумчивы, губы плотно сжаты. Передо мной уже не внимательный покупатель, а кто-то другой — холодный и далекий.

— Пол, я занимаюсь с клиентом. Ты должен с ним познакомиться, — говорю я, стараясь растопить враждебность в глазах Грея. Ташу Пола к нему, и они окидывают друг друга оценивающими взглядами. Атмосфера просто ледяная.

— Пол, это Кристиан Грей. Мистер Грей, это Пол Клейтон, брат хозяина магазина.

Сама не знаю почему, я чувствую необходимость в дальнейших объяснениях.

— Мы знакомы давно, с тех пор, как я здесь работаю, но видимся не часто. Пол изучает менеджмент в Принстонском университете, — лепечу я. «Замолчи, хватит!»

— Мистер Клейтон. — Кристиан протягивает руку, по выражению его лица нельзя ничего понять.

— Мистер Грей. — Пол отвечает на рукопожатие. — Пойдите, тот самый Кристиан Грей? Глава холдинга «Грей энтерпрайзес»? — За долю секунды неприязнь на лице Пола сменяется благоговейным трепетом. Грей вежливо улыбается, но глаза остаются холодными. — Здорово! Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Анастейша уже со всем справилась. Она была очень внимательна. — Внешне он

совершенно невозмутим, но его слова... Как будто он имеет в виду нечто совершенно другое. Я совершенно сбита с толку.

— Отлично, — откликается Пол. — Еще увидимся, Ана.

— Конечно, Пол. — Я смотрю, как он исчезает за дверью подсобки. — Что-нибудь еще, мистер Грей?

— Нет, это все. — Он говорит отрывисто и холодно. Черт! Я чем-то его обидела? Глубоко вздохнув, я поворачиваюсь и иду к кассе. Что с ним такое?

Я пробиваю веревку, комбинезоны, изоленгу и кабельные стаяжки.

— Все вместе — сорок три доллара. — Лучше бы я на него не смотрела. Он глядит на меня пристально, серые глаза внимательны и туманны. Мне сразу становится не по себе.

— Пакет вам нужен? — спрашиваю я, беря у него кредитку.

— Да, Анастейша. — Его язык ласкает мое имя, и сердце у меня снова начинает колотиться. Чуть дыша, я складываю покупки в пластиковый пакет.

— Вы позвоните мне, если я буду вам нужен для фотографии? — Он снова заговорил деловым тоном.

Я киваю, в очередной раз лишившись дара речи, и протягиваю ему кредитную карточку.

— Хорошо. Возможно, до завтра. — Он поворачивается, чтобы уйти, а затем останавливается. — Да, еще... Знаете, Анастейша, я рад, что мисс Кавана не смогла приехать на интервью.

Он улыбается и широким шагом целеустремленно идет к выходу, оставив бурлить во мне массу обезумевших женских гормонов. Я несколько минут смотрела на закрытую дверь, из которой он только что вышел, прежде чем вновь вернулась на нашу планету.

Ладно, надо признать — он мне нравится. Притворяться дальше бессмысленно. Я никогда раньше не испытывала подобных чувств. Он очень, очень хорош собой. Но это безнадежно, я знаю и вздыхаю с одновременно горестным и сладостным сожалением. То, что он пришел сюда, — простое совпадение. Впрочем, никто не запрещает мне восхищаться им издали, ведь правда? Мне это ничем не грозит. И если я найду фотографа, то завтра смогу увидеть предмет своего обожания. Я кусаю губу в предвкушении и глупо улыбаюсь, как школьница. Надо позвонить Кейт и организовать фотосессию.

Кейт в экстазе.

— А что ему понадобилось в «Клейтонсе»?

Ее любопытство просачивается сквозь телефон. Я стою в подсобке, стараясь говорить как ни в чем не бывало.

— Случайно оказался поблизости.

— Уж больно много совпадений, Ана. Не искал ли он тебя? — задумчиво говорит она.

От этой мысли сердце екает, однако радость моя длится недолго. Как ни грустно, надо признать: Грей приезжал по делам.

— Он посетил экспериментальную ферму Вашингтонского университета. Финансирует какие-то исследования, — бормочу я.

— Да, он выделил им грант в два с половиной миллиона долларов.

Ого!

— Откуда ты знаешь?

— Ана, я журналистка, я собирала о нем сведения. Это моя работа — знать такие вещи.

— Ладно, Карла Бернстайн^[1], успокойся. Так тебе нужны эти фотографии?

— Разумеется. Вопрос в том, кто их будет делать и где?

— Мы можем спросить его. Он сейчас здесь.

— А ты можешь с ним связаться?

— У меня есть номер его мобильного.

Кейт шумно вздыхает.

— Самый богатый, недоступный, самый таинственный холостяк в штате Вашингтон запросто дал тебе номер своего мобильного.

— Ну да.

— Ана! Ты ему нравишься. Тут и думать не о чем, — произносит она убежденно.

— Кейт, с его стороны это простая любезность.

Еще не договорив, я понимаю, что это неправда. Любезность совсем не в характере Кристиана Грея. Он вежлив, не более того. И маленький тихий голосок шепчет: возможно, Кейт права. От этой мысли у меня мурашки бегут по коже. Но ведь сказал же он: «Я рад, что Кейт не смогла приехать на интервью». В тихом восторге я обхватываю себя руками и начинаю раскачиваться из стороны в сторону, лелея мысль о том, что и впрямь, хоть ненадолго, ему понравилась. Кейт возвращает меня к реальности.

— Но у нас нет фотографа. Леви как раз на эти выходные уехал домой, в Айдахо-Фоллз. Вот он расстроится, когда узнает, что упустил шанс снять одного из ведущих американских промышленников!

— Хм... Может, попросить Хосе?

— Это мысль! Попроси его, он для тебя все на свете сделает. Потом позвонишь Грею и узнаешь, где ему удобнее. — Кейт ужасно бесцеремонна насчет Хосе.

— Думаю, ты должна сама ему позвонить.

— Кому, Хосе? — издевается Кейт.

— Нет, Грею.

— Ана, это у тебя с ним роман.

— Роман? — Мой голос взлетает на несколько октав. — Да я с ним едва знакома.

— Ну, ты по крайней мере с ним разговаривала, — отвечает Кейт с досадой. — И похоже, он хочет познакомиться с тобой поближе. Ана, просто позвони ему, и все, — в приказном тоне говорит она и вешает трубку. У нее иногда прорезаются командирские замашки. Я хмурюсь, глядя на телефон, и показываю ему язык.

Не успеваю я отправить сообщение Хосе, как в подсобку заходит Пол. Ему нужна наждачная бумага.

— Ана, у нас там полно посетителей, — желчно замечает он.

— Прошу прощения. — Я поворачиваюсь, чтобы идти.

— А где ты познакомилась с Кристианом Греем? — нарочито небрежно спрашивает Пол.

— Брала у него интервью для нашей студенческой газеты, когда Кейт заболела.

Я пожимаю плечами, стараясь, чтобы мои слова прозвучали естественно, но мне это удается не лучше, чем Полу.

— Кристиан Грей в «Клейтонсе». Ну, дела! — Он удивленно фыркает и трясет головой. — Ну, да ладно. Хочешь, сходим куда-нибудь сегодня вечером?

Каждый раз, когда Пол приезжает домой, он приглашает меня на свидание, и я всегда отказываюсь. Это уже стало традицией. Пол выглядит как типичный американский парень с обложки, но он совсем не похож на литературного героя, как ни старайся представить его в этом качестве. А Грей? — спрашивает меня мое подсознание, как бы подняв бровь. Я быстренько его затыкаю.

— Разве вы не будете сегодня отмечать день рождения твоего брата?

— Это завтра.

— Как-нибудь в другой раз, Пол. У меня на следующей неделе выпускные экзамены, мне надо заниматься.

— Ана, когда-нибудь ты ответишь мне «да»! — Он улыбается, и я спасаюсь бегством в торговый зал.

— Ана, я снимаю интерьеры, а не портреты, — стонет Хосе.

— Хосе, ну пожалуйста. — Сжимая телефон, я меряю шагами гостиную нашей квартиры и смотрю в окно на меркнувший вечерний свет.

— Дай мне телефон.

Кейт выхватывает у меня мобильный, откидывая за плечо шелковистые золотые волосы.

— Послушай, Хосе Родригес, если ты хочешь, чтобы наша газета сделала репортаж с открытия твоей выставки, ты должен быть завтра на съемках, усек? — Кейт умеет добиваться своего. — Хорошо. Ана тебе еще позвонит и скажет, когда и где. До завтра. — Она захлопывает телефон. — С этим улажено. Осталось только договориться о времени и месте. Звони ему. — Она протягивает мне мобильный. У меня скручивает живот. — Звони прямо сейчас.

Я бросаю на нее сердитый взгляд и лезу в задний карман за визиткой. Глубоко вздохнув, трясущимися пальцами набираю номер.

Он отвечает на второй звонок. Его голос сдержан, спокоен и холоден.

— Грей.

— Э... мистер Грей? Это Анастейша Стил. — Я не узнаю собственного голоса. Следует короткая пауза. Это просто невыносимо. В душе я вся трепещу.

— Мисс Стил. Рад вас слышать. — Тон изменился. Похоже, он удивлен; в голосе слышно

тепло... и даже ласка. Дыхание прерывается, я краснею. Внезапно я осознаю, что Кэтрин Кавана смотрит на меня, открыв рот, и убегаю на кухню, чтобы скрыться от ее пронизательных глаз.

— Я звоню по поводу фотосессии для статьи. — «Дыши, Ана, дыши». Мои легкие судорожно втягивают воздух. — Завтра, если вас устроит. Когда вам удобно, сэр?

Я почти вижу улыбку сфинкса.

— Я остановился в отеле «Хитман», в Портленде. Ну, скажем, завтра утром в половине десятого?

— Хорошо, мы приедем. — Я вне себя от восторга — как маленькая девочка, а не взрослая женщина, которая по закону штата Вашингтон имеет право голосовать и покупать алкоголь.

— Жду с нетерпением, мисс Стил. — Я представляю опасный блеск в его серых глазах. Как ему удастся вложить в пять коротких слов столько мучительного соблазна? Я отключаюсь. Кейт уже на кухне и смотрит на меня с сосредоточенным выражением на лице.

— Анастейша Роуз Стил. Он тебе нравится! Никогда раньше не видела, чтобы ты так на кого-то реагировала. Ты вся красная.

— Да ладно, Кейт, я постоянно краснею. У меня такая привычка. Не делай далеко идущих выводов, — огрызаюсь я. — Просто в его присутствии я чувствую себя ужасно неловко, вот и все.

— «Хитман», это меня успокаивает, — бормочет Кейт. — Надо будет позвонить менеджеру и договориться о месте для съемки.

— Я приготовлю ужин, а потом мне надо заниматься. — Не в силах скрыть раздражения, я открываю буфет, чтобы приготовить ужин.

Ночью я плохо сплю, все время ворочаюсь с боку на бок. Мне снятся туманные серые глаза, комбинезоны, длинные ноги, тонкие пальцы и темные, неизученные места. Два раза за ночь я просыпаюсь оттого, что сердце колотится, готовое выпрыгнуть из груди. Хороша же я буду назавтра после бессонной ночи! Я взбиваю подушку и пытаюсь наконец улечься.

Отель «Хитман» уютно разместился в самом сердце Портленда. Это величественное здание коричневого камня было построено как раз накануне краха конца 1920-х. Хосе, Тревис и я едем в моем «жуке», а Кейт — в своем «SLK», поскольку в мою машину мы все не влезли. Тревис — друг и помощник Хосе, он будет ставить свет. Кейт ухитрилась договориться с «Хитманом», чтобы нам бесплатно выделили комнату для съемки в обмен на упоминание в журнале. Когда она объясняет на ресепшен, что мы приехали фотографировать известного предпринимателя Кристиана Грея, нам сразу же предоставляют номер люкс. Обычного размера люкс, поскольку самый большой номер, очевидно, занимает мистер Грей. Администратор показывает нам апартаменты — он очень молод и почему-то страшно волнуется. Скорее всего, на него произвела сильное впечатление красота Кейт и ее властные манеры, потому что он послушен ей, как глина рукам скульптора. Комнаты элегантны, сдержанны и богато обставлены.

Времени — девять. У нас в запасе еще полчаса. Кейт разворачивается на полную мощность.

— Хосе, думаю, надо снять его на фоне стены, ты согласен? — Она не дожидается ответа. — Тревис, убери стулья. Ана, позвони, пожалуйста, горничной, чтобы принесли

напитки. И скажи Грею, что мы уже здесь.

Раскомандовалась тут. Я закатываю глаза, но делаю, что приказано.

Через полчаса Кристиан Грей входит в наш номер.

Ух ты! На нем белая рубашка с распахнутым воротом и серые фланелевые брюки, сидящие на бедрах. Непослушные волосы еще влажные после душа. Я смотрю на него, и во рту у меня все пересыхает. Он жутко сексуальный. За Греем в номер заходит какой-то мужчина лет тридцати пяти, заросший щетиной и коротко стриженный, в строгом темном костюме и галстуке, и молча становится в углу. Его карие глаза невозмутимо следят за нами.

— Рад вас видеть, мисс Стил. — Грей протягивает руку, и я жму ее, быстро моргая. Ох... какой он... обалдеть. Прикасаясь к его руке, я чувствую, как по телу пробегает приятный ток, смущаюсь и краснею. Наверное, мое неровное дыхание слышно всем вокруг.

— Мистер Грей, это Кэтрин Кавана, — бормочу я, сделав жест рукой в сторону Кейт, которая выходит вперед, глядя ему прямо в глаза.

— Настойчивая мисс Кавана. Как вы себя чувствуете? — Он приветливо улыбается. — Надеюсь, вам уже лучше? Анастейша сказала, что на прошлой неделе вы болели?

— Все в порядке, спасибо, мистер Грей. — Она, не моргнув глазом, пожимает его руку.

Кейт училась в лучшей частной школе штата Вашингтон. У нее богатые родители, и она выросла уверенной в себе и своем месте в мире. Я ею восхищаюсь.

— Спасибо, что нашли для нас время. — Она вежливо улыбается.

— Не стоит благодарности, — отвечает он и вновь одаривает меня взглядом серых глаз. Я опять заливаюсь краской. Черт!

— Хосе Родригес, наш фотограф, — говорю я, улыбаясь. Хосе нежно улыбается мне в ответ. Когда он переводит взгляд на Грея, его глаза становятся холодными. — Мистер Грей, — кивает он.

— Мистер Родригес. — Выражение лица Грея тоже меняется, когда он оценивает Хосе. — Где вы хотите меня сфотографировать? — Голос звучит немного угрожающе. Но Кейт не может уступить Хосе главную роль.

— Мистер Грей, вы не могли бы сесть вот здесь? Осторожнее, не споткнитесь о провод. А потом мы сделаем несколько снимков стоя. — Она указывает ему на кресло у стены.

Тревис включает свет, на мгновение ослепляя Грея, и бормочет извинения. Затем мы с Тревисом стоим и смотрим, как Хосе щелкает камерой. Он делает несколько снимков с рук, прося Грея повернуться туда, потом сюда, поднять ладонь, а потом снова опустить. Потом Хосе ставит камеру на штатив и делает еще несколько фотографий, а Грей все это время, примерно двадцать минут, сидит и терпеливо позирует. Моя мечта сбылась — я могу любоваться им с близкого расстояния. Дважды наши глаза встречаются, и я с трудом отрываюсь от его туманного взгляда.

— Сидя достаточно, — снова вмешивается Кейт. — Теперь стоя, если вы не против, мистер Грей.

Он встает, и Тревис бросается убирать стул. Хосе снова щелкает затвором своего «Никона».

— Думаю, достаточно, — провозглашает он через пять минут.

— Замечательно, — говорит Кейт. — Еще раз спасибо, мистер Грей.

Она жмет его руку, а за ней Хосе.

— Буду ждать вашей статьи, мисс Кавана, — бормочет Грей и уже в дверях, повернувшись ко мне, произносит: — Вы меня не проводите, мисс Стил?

— Конечно, — отвечаю я, совершенно обескураженная. Бросаю тревожный взгляд на Кейт, та пожимает плечами. Хосе у нее за спиной мрачно хмурится.

— Всего вам доброго, — произносит Грей, открывая дверь и пропуская меня вперед.

Вот те раз!.. В чем дело? Что ему от меня нужно? Я замираю в коридоре, переминаясь с ноги на ногу, и жду Грея, который выходит из комнаты в сопровождении мистера Короткая Стрижка в строгом костюме.

— Я позвоню тебе, Тейлор, — бросает он Короткой Стрижке. Тейлор уходит по коридору, и Грей обращает свой прожигающий взгляд на меня. О господи! Я что-нибудь сделала не так? — Не хотите выпить со мной кофе?

Сердце стучит у меня в горле. Свидание? Кристиан Грей пригласил меня на свидание? Он спросил, не хочешь ли ты кофе. «Наверное, ему кажется, что ты еще не проснулась», — посмеивается надо мной мое подсознание.

— Мне надо развезти всех по домам, — бормочу я извиняющимся тоном, скручивая руки.

— Тейлор, — кричит он, и я подпрыгиваю от неожиданности. Тейлор, который уже успел отойти, снова идет к нам.

— Они живут в университетском городке? — спрашивает Грей негромко.

Я киваю, не в силах открыть рот.

— Их отвезет Тейлор, мой шофер. У нас тут большой внедорожник, туда влезет и снаряжение.

— Да, мистер Грей? — спрашивает Тейлор как ни в чем не бывало.

— Не могли бы вы отвезти фотографа, его ассистента и мисс Кавана домой?

— Конечно, сэр.

— Ну вот. А теперь вы выпьете со мной кофе? — Грей улыбается, как будто заключил сделку.

Я хмурюсь.

— Э-э... Мистер Грей, вообще-то... Послушайте, Тейлору не обязательно их отвозить. — Я бросаю быстрый взгляд на Грея, который стоически сохраняет невозмутимое выражение лица. — Если вы подождете, мы с Кейт поменяемся машинами.

Грей расплывается в сияющей, беспечной улыбке во весь рот. О, боже... и открывает передо мной дверь номера. Я обегаю его, чтобы войти, и застаю Кейт оживленно обсуждающей что-то с Хосе.

— Ана, ты ему определенно нравишься, — говорит она без всякого вступления. Хосе неодобрительно смотрит на меня. — Но я ему не доверяю, — добавляет она.

Я поднимаю руку в надежде, что она меня выслушает.

— Кейт, ты не могла бы поменяться со мной машинами и взять «жук»?

— Зачем?

— Кристиан Грей пригласил меня выпить кофе.

У нее открывается рот. Какой чудесный момент: Кейт лишилась дара речи!.. Она хватается за локоть и тащит из гостиной в спальню.

— Ана, с ним явно что-то не так. Грей выглядит потрясающе, я согласна, но он опасный тип. Особенно для таких, как ты.

— Что значит таких, как я?

— Ты понимаешь, не прикидывайся. Для невинных девушек вроде тебя, — говорит она немного раздраженно.

Я краснею.

— Кейт, мы просто выпьем кофе. На следующей неделе у меня экзамены, надо заниматься, поэтому я не буду сидеть с ним долго.

Кейт поджимает губы, словно обдумывая мое предложение. Наконец она достает из кармана ключи и отдает мне. Я взамен отдаю ей свои.

— Я буду ждать. Не задерживайся, а то мне придется выслать спасательную команду.

— Спасибо. — Я обнимаю ее.

Кристиан Грей ждет, прислонившись к стене, похожий на манекенщика из глянцевого мужского журнала.

— Все, я готова пить кофе, — бормочу я, краснея, как свекла.

Грей ухмыляется.

— Только после вас, мисс Стил.

Он жестом показывает, чтобы я проходила вперед. Я иду по коридору на трясущихся ногах; голова кружится, сердце выбивает тревожный неровный ритм. Я иду пить кофе с Кристианом Греем... и я ненавижу кофе.

По широкому коридору мы вместе идем к лифтам. Что я ему скажу? Мой мозг сковывает ужасное предчувствие. О чем мы будем говорить? Какие у нас могут быть общие темы для разговора?

Мягкий теплый голос отрывает меня от размышлений:

— А вы давно знаете Кэтрин Кавана?

О, легкий вопрос для начала.

— С первого курса. Она моя близкая подруга.

— Хм, — произносит Грей неопределенно. Что у него на уме?

Он нажимает кнопку вызова лифта, и почти сразу же раздается звонок. Двери открываются, и мы видим парочку, застывшую в страстном объятии. От неожиданности они отскакивают друг от друга и виновато отводят глаза. Мы с Греем заходим в лифт.

Я стараюсь сохранить невозмутимое выражение лица, поэтому смотрю в пол и чувствую, как щеки наливаются румянцем. Кошусь на Грея из-под ресниц: вроде бы он улыбается самыми уголками губ, но трудно сказать наверняка. Парень с девушкой тоже не говорят ни слова, и в неловком молчании мы доезжаем до первого этажа. В лифте нет даже музыки, чтобы разрядить обстановку.

Двери открываются, и, к моему удивлению, Грей берет меня за руку, сжав ее своими длинными прохладными пальцами. Я чувствую, как по телу пробегает разряд тока, и без того быстрое биение сердца еще сильнее ускоряется. Он выводит меня из лифта, и мы слышим сдавленные смешки парочки, вышедшей вслед за нами. Грей ухмыляется.

— Что это такое с лифтами? — бормочет он.

Мы проходим через просторный, оживленный холл к выходу, но Грей не идет через вращающуюся дверь. Интересно, это потому, что он не хочет выпускать мою руку?

На улице теплый воскресный майский день. Светит солнце, и почти нет машин. Грей поворачивает направо и шагает по направлению к перекрестку, где мы останавливаемся и ждем, когда загорится зеленый. Он так и не отпустил мою руку. Я иду по улице, и Кристиан Грей держит меня за руку. Никто еще не держал меня за руку. По всему моему телу бегут мурашки, голова кружится. Я стараюсь стереть с лица дурацкую ухмылку от уха до уха. Появляется зеленый человечек, и мы переходим на другую сторону.

Так мы идем четыре квартала и наконец достигаем «Портланд-кофе-хаус», где Грей

отпускает мою руку, чтобы распахнуть дверь. Я захожу внутрь.

— Выбирайте пока столик, я схожу за кофе. Вам что принести? — спрашивает он как всегда вежливо.

— Я буду чай... «Английский завтрак», пакетик сразу вынуть.

Грей поднимает брови.

— А кофе?

— Я его не люблю.

Он улыбается.

— Хорошо, чай, пакетик сразу вынуть. Сладкий?

На мгновение ошарашенно замолкаю, сочтя это ласковым обращением. Но подсознание, поджав губы, возвращает меня к реальности. Идиотка, он спрашивает, сахар класть или нет?

— Нет, без сахара. — Я смотрю вниз на свои сведенные пальцы.

— А есть что-нибудь будете?

— Нет, спасибо, ничего. — Я качаю головой, и он идет к прилавку.

Пока Грей стоит в очереди, я исподтишка наблюдаю за ним сквозь опущенные ресницы. Я могу смотреть на него целыми днями. Он высок, широк в плечах и строен, а как эти брюки обхватывают бедра... О, господи! Несколько раз он проводит длинными, изящными пальцами по уже высохшим, но по-прежнему непослушным волосам. Хм... Я бы сама с удовольствием провела по ним рукой. Эта мысль застаёт меня врасплох, и щеки вновь наливаются румянцем. Я кусаю губу и смотрю вниз, на руки.

— Хотите, я угадаю, о чем вы думаете? — Грей стоит рядом со столиком и смотрит прямо на меня.

Я заливаюсь краской. О том, что будет, если провести рукой по вашим волосам. Мне интересно, мягкие ли они на ощупь... Я отрицательно качаю головой. Грей ставит поднос на небольшой, круглый столик, фанерованный березой. Он протягивает мне чашку с блюдцем, маленький чайник и тарелочку, на которой лежит одинокий пакетик чая с этикеткой Twinings English Breakfast — мой любимый. Сам он пьет кофе с чудесным изображением листочка на молочной пенке. Интересно, как это делается? — раздумываю я от нечего делать. Он взял себе черничный маффин. Отставив поднос в сторону, Грей садится напротив меня и скрещивает длинные ноги. Движения его легки и свободны, он полностью владеет своим телом. Я ему завидую. Особенно если учесть, что я — неуклюжая, с плохой координацией движений. Мне трудно добраться из пункта А в пункт Б и не упасть по дороге.

— Так о чем же вы думаете? — настаивает он.

— Это мой любимый чай. — Голос звучит тихо и глухо. Я не могу поверить, что сижу напротив Кристиана Грея в кофейне в Портленде. Он хмурится — чувствует, что я что-то недоговариваю. Я окунаю пакетик в чашку и почти сразу вынимаю его чайной ложечкой и кладу на тарелку. Грей вопросительно смотрит на меня, склонив голову набок.

— Я люблю слабый чай без молока, — бормочу я, как бы оправдываясь.

— Понимаю. Он ваш парень?

Ну и ну... С чего бы это?

— Кто?

— Фотограф. Хосе Родригес.

От удивления я нервно смеюсь.

— Нет, Хосе мой старый друг и больше ничего. Почему вы решили, что он мой парень?

— По тому, как он улыбался вам, а вы — ему. — Грей глядит мне прямо в глаза. Я

чувствую себя ужасно неловко и пытаюсь отвести взгляд, но вместо этого смотрю на него как зачарованная.

— Он почти что член семьи, — шепчу я.

Грей слегка кивает, по-видимому, удовлетворенный ответом. Его длинные пальцы ловко снимают бумагу от маффина.

— Не хотите кусочек? — спрашивает он и снова чуть заметно улыбается.

— Нет, спасибо. — Я хмурюсь и опять перевожу взгляд на свои руки.

— А тот, которого я видел вчера в магазине?

— Пол мне просто друг. Я вам вчера сказала. — Разговор получается какой-то дурацкий. — Почему вы спрашиваете?

— Похоже, вы нервничаете в мужском обществе.

Черт, почему я должна с ним это обсуждать? «Я нервничаю только в вашем обществе, мистер Грей», — мысленно парирую я.

— Я вас боюсь. — Я краснею до ушей, но мысленно похлопываю себя по спине за откровенность и снова смотрю на свои руки.

— Вы должны меня бояться, — кивает он. — Мне нравится ваша прямота. Пожалуйста, не опускайте глаза, я хочу видеть ваше лицо.

Ох. Я смотрю на него, и Грей ободряюще, хотя и криво мне улыбается.

— Мне кажется, я начинаю догадываться, о чем вы думаете. Вы одна сплошная тайна, мисс Стил.

Кто я? Сплошная тайна?

— Во мне нет ничего таинственного.

— По-моему, вы очень хорошо владеете собой.

Неужели? Потрясающе... Как у меня так получилось? Удивительно. Я владею собой? Ни разу.

— Ну, если не считать того, что вы часто краснеете. Хотел бы я знать, почему. — Грей закидывает в рот маленький кусочек маффина и медленно жует, не сводя с меня взгляда. И, словно по сигналу, я краснею. Черт!

— Вы всегда так бесцеремонны?

— Я не думал, что это так называется. Я вас обидел? — Он, по-видимому, удивлен.

— Нет, — честно отвечаю я.

— Хорошо.

— Но вы очень властный человек, — наношу я ответный удар.

Грей поднимает брови и вроде бы немного краснеет.

— Я привык, чтобы мне подчинялись, Анастейша, — произносит он. — Во всем.

— Не сомневаюсь. Почему вы не предложили мне обращаться к вам по имени? — Я сама удивляюсь своему нахальству. Почему разговор стал таким серьезным? Я никак этого не ждала. С чего вдруг я так на него накинулась? Похоже, он старается держать меня на расстоянии.

— По имени меня зовут только члены семьи и самые близкие друзья. Мне так нравится.

Ого. И все же он не сказал: «Зовите меня Кристиан». И он действительно диктатор, этим все объясняется. В глубине души я начинаю думать, что лучше бы Кейт сама взяла у него интервью. Сошлись бы два диктатора. К тому же она почти блондинка — ну, золотисторыжая, — как женщины в его офисе. Мне не нравится мысль о Кристиане и Кейт. Я отпиваю глоток чая, и Грей кладет в рот еще кусочек маффина.

— Вы единственный ребенок?

Ну вот, опять меняет тему.

— Да.

— Расскажите мне о своих родителях.

Нашел о чем спрашивать. Это ужасно скучно.

— Моя мать живет в Джорджии со своим новым мужем Бобом. Отчим — в Монтесано.

— А отец?

— Отец умер, когда я была совсем маленькой.

— Извините.

— Я его совсем не помню.

— А потом ваша мать вышла замуж во второй раз?

Я фыркаю.

— Можно сказать и так.

Грей хмурится.

— Вы не любите рассказывать о себе? — говорит он сухо, потирая подбородок как бы в глубокой задумчивости.

— Вы тоже.

— Вы уже брали у меня интервью и, помнится, задавали довольно интимные вопросы. — Он ухмыляется.

Ну конечно. Вопрос насчет «гея». Я готова провалиться сквозь землю. В будущем, полагаю, мне придется пройти курс интенсивной психотерапии, чтобы не испытывать мучительного стыда при воспоминании об этом моменте. Я начинаю что-то бормотать про свою мать только для того, чтобы избавиться от неприятных мыслей.

— Мама у меня чудесная. Она неизлечимый романтик. Нынешний брак у нее четвертый.

Кристиан удивленно поднимает брови.

— Я по ней скучаю, — продолжаю я. — Сейчас у нее есть Боб. Надеюсь, он присмотрит за ней и загладит последствия ее легкомысленных начинаний, когда они потерпят крах. — При мысли о маме я улыбаюсь. Мы с ней давно не виделись. Кристиан внимательно глядит на меня, изредка отхлебывая кофе. Мне лучше не смотреть на его рот. Эти губы меня волнуют.

— А с отчимом у вас хорошие отношения?

— Конечно, я с ним выросла. Он для меня единственный отец.

— И что он за человек?

— Рэй?.. Молчун.

— И все? — удивленно спрашивает мой собеседник.

Я пожимаю плечами. А что он хотел? Историю моей жизни?

— Молчун, как и его падчерица, — подначивает Грей.

— Он любит футбол — особенно европейский, — боулинг и рыбалку. А еще он делает мебель. Бывший военный. — Я вздыхаю.

— Вы живете с ним?

— Да. Моя мама встретила мужа номер три, когда мне было пятнадцать. Я осталась с Рэем.

Грей хмурится, как будто пытается понять.

— Муж номер три жил в Техасе. Мой дом в Монтесано. А кроме того... моя мама только что вышла замуж. — Я замолкаю. Мама никогда не говорит о муже номер три. Зачем Грей

завел это разговор? Его это не касается. Я тоже могу так себя вести.

— Расскажите мне о своих родителях, — прошу я.

Он пожимает плечами.

— Мой отец — адвокат, а мама — детский врач. Они живут в Сиэтле.

А-а... у него богатые родители. Я представила себе успешную пару, которая усыновляет троих детей, и один из них вырастает красавцем, который запросто покоряет вершины мирового бизнеса. Как ему это удалось? Родители должны им гордиться.

— А что делают ваши брат с сестрой?

— Элиот занимается строительством, а сестренка сейчас в Париже, изучает кулинарию под руководством какого-то знаменитого французского шефа. — Его глаза туманятся от раздражения. Он явно не хочет говорить о себе или своей семье.

— Я слышала, что Париж чудесный город, — бормочу я. Интересно, почему он избегает разговоров о своей семье? Потому что его усыновили?

— Да, очень красивый. Вы там были? — спрашивает он, сразу же успокаиваясь.

— Я никогда не была за границей. — Вот мы и вернулись к банальностям. Что он скрывает?

— А хотели бы поехать?

— В Париж? — изумляюсь я. Еще бы! Кто бы отказался! — Конечно, хотела бы, — честно признаюсь я. — Но мне больше хочется в Англию.

Грей склоняет голову набок и проводит указательным пальцем по верхней губе. О боже.

— Почему?

Я быстро моргаю. Соберись, Стил.

— Это родина Шекспира, Остен, сестер Бронте, Томаса Гарди. Я бы хотела посмотреть на те места, где были написаны эти чудесные книги.

Разговоры о литературе напоминают мне, что надо заниматься. Я смотрю на часы.

— Мне пора. Я должна готовиться.

— К экзаменам?

— Да, уже скоро — во вторник.

— А где машина мисс Кавана?

— На парковке у отеля.

— Я вас провожу.

— Спасибо за чай, мистер Грей.

Он улыбается своей странной, таинственной улыбкой.

— Не за что, Анастейша. Мне было очень приятно. Идемте, — командует он и протягивает мне руку. Я беру ее, сбитая с толку, и выхожу следом за ним на улицу.

Мы бредем обратно к отелю и по взаимному согласию не произносим ни слова. Внешне Грей спокоен и собран. Я отчаянно пытаюсь оценить, как прошло наше утреннее свидание за чашкой кофе. У меня такое чувство, словно я побывала на собеседовании, только непонятно, на какую должность.

— Вы всегда носите джинсы? — ни с того ни с сего спрашивает Грей.

— Почти.

Он кивает. Мы снова на перекрестке со светофором. Я лихорадочно прокручиваю в мозгу события сегодняшнего утра. Какой странный вопрос... Сейчас мы расстанемся. Вот и все. У меня был шанс, и я его упустила. Возможно, у него кто-то есть.

— А у вас есть девушка? — выпаливаю я. О господи, неужели я произнесла это вслух?

Его губы кривятся в полуулыбке.

— Нет, Анастейша, девушки у меня нет и быть не может, — говорит он негромко.

Ого... Что он хочет этим сказать? Он не гей? Или все-таки гей? Может, он сказал неправду на интервью?.. В первый момент я жду продолжения, однако Грей молчит. Все, надо идти. Мне нужно все обдумать. Я должна от него уйти. Я делаю шаг вперед, спотыкаюсь и чуть не падаю головой вперед на дорогу.

— Черт, Ана! — Грей так сильно дергает меня за руку, что я падаю назад ровно за секунду до того, как мимо проносится велосипедист, движущийся против потока машин на улице с односторонним движением.

Все происходит в одно мгновение — я падаю, и вот я уже в его объятиях, и он прижимает меня к груди. Я вдыхаю его чистый, живой аромат. От него пахнет свежестырированной льняной рубашкой и дорогим гелем для душа. О боже... Голова идет кругом. Я глубоко вздыхаю.

— Не ушиблась? — шепчет Грей. Он прижимает меня к себе, обхватив одной рукой за плечи. Пальцы другой его руки скользят по моему лицу, мягко ощупывая. Он касается большим пальцем моей верхней губы, и я чувствую, что у него остановилось дыхание. Грей смотрит мне прямо в глаза, и я выдерживаю его тревожный, прожигающий насквозь взгляд. Это длится целую вечность, но в конце концов я перестаю замечать что-либо, кроме его прекрасного рта. Боже мой! В двадцать один год я в первый раз по-настоящему захотела, чтобы меня поцеловали. Я хочу чувствовать его губы на своих губах.

«Поцелуй же меня!» — мысленно умоляю я, не в силах пошевелиться. Я парализована странным, незнакомым желанием. Завороженная, гляжу на красиво очерченный рот Кристиана Грея, а он смотрит на меня сверху вниз. Его глаза прикрыты, взгляд потемнел. Он дышит с трудом, а я вообще почти не дышу. Я в твоих руках. Пожалуйста, поцелуй меня. Он закрывает глаза, глубоко вздыхает и слегка качает головой, как бы в ответ на мой немой вопрос. Когда он снова открывает глаза, в них читается стальная решимость.

— Анастейша, держись от меня подальше. Я не тот, кто тебе нужен, — шепчет Грей.

Что? С чего вдруг? Ведь это мне решать, а не ему. Я хмурюсь, не в силах поверить.

— Дыши, Анастейша, дыши. Я сейчас поставлю тебя на ноги и отпущу, — говорит он негромко и слегка отодвигает меня от себя.

Всплеск адреналина, вызванный моим чудесным спасением или близостью Кристиана Грея, проходит, я чувствую себя слабой и взвинченной. «Нет!» — кричит моя душа, когда он отстраняет меня, лишая опоры. Он держит меня на расстоянии вытянутой руки и внимательно следит за моей реакцией. В голове лишь одна мысль: я дала ему понять, что жду поцелуя, а он не стал меня целовать. Я ему не нужна. У меня был шанс, когда он позвал меня пить кофе, а я все испортила.

— Ясно, — выдыхаю я, обретя голос, и, изнемогая от унижения, бормочу: — Спасибо.

Как я могла так ошибиться в оценке ситуации? Мне надо как можно скорее с ним расстаться.

— За что? — хмурится он, не убирая рук.

— За то, что спасли меня, — шепчу я.

— Этот идиот ехал против движения. Хорошо, что здесь был я. Страшно подумать, чем это могло кончиться. Может, вам лучше пойти со мной в отель? Посидите, придете в себя.

Он отпускает меня, и я стою перед ним, чувствуя себя последней дурой.

Встряхнувшись, выкидываю из головы пустые мысли. Надо ехать. Все мои смутные, невысказанные надежды разбиты. Я ему не нужна. «О чем ты только думала? Что Кристиан Грей клюнет на такую, как ты?» — дразнит меня подсознание. На мое счастье, появляется зеленый человечек. Я быстро перехожу на другую сторону дороги, чувствуя, что Грей идет следом за мной. Перед отелем я поворачиваюсь к нему, не в силах поднять глаз.

— Спасибо за чай и за то, что согласились на фотосессию, — бормочу я.

— Анастейша, я... — Он замолкает, и боль в его голосе требует моего внимания, поэтому я против воли смотрю на него. Серые глаза грустны. Грей выглядит расстроенным, на лице застыло тоскливое выражение, от былого самоконтроля не осталось и следа.

— Да, Кристиан?

Я раздраженно щелкаю пальцами, когда он не произносит ни слова в ответ. Мне хочется поскорей уехать. Надо собрать по кусочкам израненную гордость и постараться вернуть утраченное душевное равновесие.

— Удачи на экзаменах, — выдавливаю я наконец.

Что? И из-за этого у него такой несчастный вид? К чему такое прощание? Хотел пожелать мне удачи на экзаменах?

— Спасибо. — Я не могу скрыть сарказма. — Всего доброго, мистер Грей.

Я разворачиваюсь на каблуках, как ни странно, не спотыкаюсь и, не оглядываясь, ухожу

по переулку в сторону подземного гаража.

В холодном полумраке бетонного гаража, освещенного тусклым светом люминесцентных ламп, я прислоняюсь к стене и обхватываю голову руками. О чем я думала? Глаза полны непрошенных слез. Почему я плачу? Я опускаюсь на землю, злясь на себя за такую абсурдную реакцию, обхватываю руками колени и стараюсь сжаться в крошечный комочек. Может, если я сама стану меньше, бессмысленная боль тоже уменьшится. Уткнув голову в колени, я плачу, не сдерживая слез. Плачу от потери чего-то, чего у меня не было. Как глупо. Глупо горевать о том, чего не было, — о несбывшихся надеждах, разбитых мечтах, обманутых ожиданиях.

Мне никогда не приходилось сталкиваться с отказом. Ну... если не считать того, что меня никогда не брали играть в баскетбол или в волейбол. Но это понятно. Бежать и одновременно ударять мячом о пол или передавать его кому-нибудь у меня плохо получается. На спортплощадке я обуза для любой команды.

В романтическом плане я ничего не хотела. Я привыкла, что я слишком бледная, неухоженная, худая, неуклюжая — список моих недостатков можно продолжать бесконечно. Поэтому я всегда отшивала возможных поклонников. Вот хоть того парня в группе по химии. Они все были мне неинтересны, за исключением одного лишь Кристиана, черт бы его побрал, Грея. Наверное, мне следовало быть добрее к таким, как Пол Клейтон и Хосе Родригес, хотя я уверена, никто из них не плакал втихомолку в подземном гараже. Может, мне просто нужно выплакаться.

«Прекрати, немедленно прекрати! — словно кричит на меня мое подсознание, уперев руки в боки и топая от негодования ногами. — Садись в машину, езжай домой и садись заниматься. Забудь о нем... Немедленно! И хватит уже распускать нюни».

Я делаю глубокий вдох и поднимаюсь на ноги. Соберись, Стил. Я иду к машине, вытирая на ходу слезы. Хватит думать о нем. Надо извлечь уроки на будущее и сосредоточиться на подготовке к экзаменам.

Кейт сидит с ноутбуком за обеденным столом. При виде меня радостная улыбка сходит с ее лица.

— Ана, в чем дело?

Ну вот... Только ее расспросов мне сейчас и не хватает. Я трясусь головой — совсем как она, когда хочет, чтобы от нее отстали, — но Кейт остается слепа и глуха.

— Ты плакала. — Как будто и так не видно. — Что этот подонок с тобой сделал? — рычит она, и лицо у нее просто страшное.

— Ничего, Кейт. — В том-то все и дело. От этой мысли я криво улыбаюсь.

— Тогда почему ты плакала? Ты никогда не плачешь. — Кейт встает, обнимает меня за плечи, ее зеленые глаза полны тревоги. Надо что-то сказать, чтобы она оставила меня в покое.

— Меня чуть не сбил велосипедист. — Это первое, что приходит мне в голову, но Кейт сразу же забывает про Грея.

— О господи, Ана! Ты ушиблась? — Она отодвигает меня от себя и начинает осматривать.

— Нет, Кристиан меня спас, — шепчу я. — Я испугалась.

— Еще бы! А как кофе? Ты же его не любишь?

— Я пила чай. Мы мило поболтали, даже не о чем рассказывать. Не знаю, зачем он меня

пригласил.

— Ты ему нравишься, Ана. — Кейт опускает руки.

— Уже не нравлюсь. Мы больше не увидимся. — Я умудрилась произнести это ровным тоном.

— Да?

Черт! Она заинтригована. Я иду в кухню, чтобы Кейт не видела моего лица.

— Такие, как я, ему не пара, — говорю я так сухо, как только могу.

— В каком смысле?

— Да ладно, как будто сама не знаешь. — Я поворачиваюсь и вижу, что Кейт стоит в дверях.

— Нет, не знаю.

— Кейт, он... — Я пожимаю плечами.

— Ана, ну сколько можно тебе говорить? Ты совсем как ребенок! — перебивает она. Вот, опять за свое.

— Кейт, оставь, прошу. Мне надо заниматься, — обрываю я.

Она хмурится.

— Хочешь посмотреть статью? Я дописала. А Хосе сделал потрясающие снимки.

Хочу ли я еще раз посмотреть на великолепного Кристиана, держись-от-меня-подальше, Грея?

— Конечно, хочу. — Каким-то чудом я ухитряюсь изобразить на лице улыбку и иду к столу. Грей оценивающе смотрит на меня с черно-белой фотографии на экране ноутбука. Похоже, я его не устраиваю.

Притворившись, будто читаю, я встречаю пристальный взгляд его серых глаз и пытаюсь догадаться, почему же он не тот, кто мне нужен — как он сам мне сказал. И тут вдруг объяснение становится совершенно очевидным. Он невероятно красив. Мы два разных полюса, существа из разных миров. Я как Икар, который поднялся слишком близко к солнцу, а в итоге упал и разбился. В словах Грея есть смысл. Он мне не подходит. Именно это он и имел в виду, и теперь мне легче принять его отказ... почти.

— Отлично, Кейт, — удается произнести мне. — Пойду заниматься.

Пока не буду о нем думать, уговариваю я себя и, открыв тетрадь, принимаюсь за чтение.

Только в постели, стараясь уснуть, я позволяю себе вернуться мыслями в мое странное утро. Вспоминаю его слова: «Девушки у меня нет и быть не может» — и злюсь на себя, что не восприняла это к сведению до того, как оказалась в его объятиях. Он ведь предупредил, что девушка ему не нужна.

Переворачиваюсь на другой бок. В голову лезут разные мысли: может, он хранит невинность? Я закрываю глаза и начинаю погружаться в дрему. Может, он бережет себя. «Но не для тебя», — в последний раз насмехается надо мной мое сонное подсознание, перед тем как вырваться на волю в снах.

Мне снятся серые глаза, кофейные листочки на молочной пене, и я снова бегу по темным комнатам, озаряемым жуткими вспышками молний, и не знаю, от кого я бегу или к кому...

Я кладу ручку. Все. Сдан последний экзамен. По лицу расплывается улыбка Чеширского кота. Наверное, я улыбаюсь в первый раз за всю неделю. Сегодня пятница, и на этот день у

нас намечена грандиозная вечеринка. Возможно, я даже напьюсь. Впервые за всю свою жизнь.

Я оглядываюсь через зал на Кейт; за пять минут до конца она еще что-то яростно пишет. Все, учеба закончена. Больше никогда мне не придется сидеть на экзамене. Мысленно я исполняю грациозные перевороты «колесом» через голову... Впрочем, это единственный способ, которым я умею ходить «колесом». Кейт кончает писать и откладывает ручку. Она встречается со мной взглядом, и на лице ее я вижу все ту же улыбку Чеширского кота.

Мы возвращаемся домой на ее «Мерседесе», и у нас нет никакого желания обсуждать только что закончившийся экзамен. Кейт больше волнует, что она наденет сегодня вечером в бар, а я роюсь в сумочке в поисках ключей.

— Ана, тут тебе посылка. — Кейт стоит на ступеньках перед входной дверью, держа в руках коробку, завернутую в коричневую бумагу. Странно, я в последнее время ничего с «Амазона» не заказывала. Кейт отдает мне посылку и берет ключи, чтобы открыть входную дверь. Посылка адресована мисс Анастейше Стил. На ней нет ни обратного адреса, ни имени отправителя. Наверное, от мамы или от Рэя.

— От родителей...

— Открывай скорей! — Кейт в приподнятом настроении направляется в кухню за бутылкой шампанского, припасенной для этого дня.

Я открываю посылку и вижу обтянутую кожей коробку, в которой лежат три одинаковых, новых с виду книги в старом матерчатом переплете и кусочек плотного белого картона. На одной стороне каллиграфическим почерком выведено:

Почему ты не сказала, что мне надо опасаться мужчин? Почему не предостерегла меня?

Богатые дамы знают, чего им остерегаться, потому что читают романы, в которых говорится о таких проделках... [2]

Я узнаю цитату из «Тэсс». Удивительное совпадение: на экзамене я три часа подряд писала эссе о романах Томаса Гарди. А может, и не совпадение... может, это сделано нарочно. Я внимательно осматриваю книги: три тома «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». На титульном листе старинным шрифтом напечатано:

Лондон. Джек Р. Осгуд, Макилвейн и К^о, 1891

Вот это да! Самое первое издание. Наверное, оно стоит безумных денег, и я сразу понимаю, кто его прислал.

Кейт стоит у меня за спиной и смотрит на книги. Потом берет карточку.

— Первое издание, — шепчу я.

— Невероятно! — Кейт смотрит на меня широко раскрытыми от удивления глазами. — Грей?

Я киваю.

— Больше никому.

— А что за карточка?

— Понятия не имею. Думаю, это предупреждение — он намекает, чтобы я держалась от

него подальше. Даже не знаю, почему. Можно подумать, я ему проходу не даю.

— Если хочешь, считай, конечно, это предупреждением, Ана, дело твое, но он явно к тебе равнодушен.

Всю последнюю неделю я не позволяла себе мыслей о Кристиане Грее. Ну, хорошо... по ночам мне по-прежнему снятся серые глаза, и понадобится целая вечность, чтобы стереть память об обнимающих меня руках, чтобы забыть его чудесный запах. Но зачем он мне это прислал? Ведь я ему не пара?

— Я нашла первое издание «Тэсс», выставленное на продажу в Нью-Йорке. За него просят четырнадцать тысяч долларов. Но твое в гораздо лучшем состоянии. Полагаю, оно стоит намного дороже. — Кейт уже посоветовалась со своим добрым другом — Гуглом.

— Цитата — слова Тэсс, которые она говорит, обращаясь к матери, после того как Алек д'Эрбервилль так чудовищно с ней обошелся.

— Я помню, — задумчиво отвечает Кейт. — Но что он хочет этим сказать?

— Не знаю и знать не хочу. Я все равно не могу принять такой подарок. Придется отослать ему обратно с такой же невразумительной цитатой откуда-нибудь из середины.

— Где Энжел Клер говорит «отъебись от меня»? — спрашивает Кейт с совершенно невозмутимым выражением.

— Да, вот именно. — Я хихикаю. Кейт умеет поддержать в трудную минуту.

Складываю книги обратно в коробку и оставляю их на обеденном столе. Кейт протягивает мне бокал с шампанским.

— За окончание экзаменов и нашу новую жизнь в Сиэтле, — улыбается она.

— За окончание экзаменов, нашу новую жизнь в Сиэтле и отличные отметки.

Мы чокаемся бокалами и пьем.

В баре шум и неразбериха, он под завязку набит будущими выпускниками. Сегодня они намерены напиться в хлам. К нам присоединяется Хосе. Ему осталось учиться еще год, но он тоже не прочь повеселиться и, чтобы вдохнуть в нас дух обретенной свободы, покупает на всю компанию кувшин маргариты. Приканчивая четвертый бокал, я понимаю, что пить столько маргариты, да еще после шампанского, — не самая лучшая идея.

— Так что теперь, Ана? — Хосе пытается перекричать шум.

— Мы с Кейт переберемся в Сиэтл. Родители купили ей там квартиру.

— Бог мой, живут же люди. Но ты ведь приедешь на мою выставку?

— Конечно, Хосе, как я могу пропустить такое! — Я улыбаюсь, он обнимает меня за талию и подтягивает поближе к себе.

— Мне очень важно, чтобы ты пришла, Ана, — шепчет он мне на ухо. — Еще маргариту?

— Хосе Луис Родригес, ты пытаешься меня напоить? Похоже, у тебя получается, — хихикаю я. — Лучше выпью пива. Пойду схожу за кувшином.

— Еще выпивки, Ана! — кричит Кейт.

Кейт может пить как лошадь, и ничего ей не делается. Одной рукой она обнимает Леви — студента с нашего курса и по совместительству фотографа студенческой газеты. Он уже бросил фотографировать повальное пьянство, которое его окружает, и теперь не сводит глаз с Кейт. На ней крохотный топ на бретельках, обтягивающие джинсы и туфли на высоких каблуках. Волосы убраны в высокий пучок, лишь несколько локонов мягко обрамляют лицо — Кейт, как всегда, выглядит потрясающе. А я... Вообще-то я предпочитаю кеды и футболки,

но сегодня на мне мои самые лучшие джинсы. Высвобождаюсь из объятий Хосе и встаю из-за стола. Ого! Голова идет кругом. Приходится схватиться за спинку стула. Нельзя пить столько коктейлей с текилой.

Подойдя к бару, я решаю, что надо зайти в туалет, пока еще ноги держат. Очень разумно, Ана. Я проталкиваюсь сквозь толпу. Конечно же, там очередь, зато в коридоре тихо и прохладно. Чтобы было не так скучно стоять, достаю из кармана мобильник. Так... Кому я звонила в последний раз. Хосе? А это что за номер? Я такого не знаю. Ах, да! Грей. Я хихикаю. Наверное, уже поздно, и мой звонок его разбудит. Но надо же узнать, зачем он послал мне эти книги, да еще с такой загадочной припиской. Если он хочет, чтобы я держалась подальше, пусть сам оставит меня в покое.

С трудом сдерживая пьяную ухмылку, нажимаю на клавишу «вызов». Грей отвечает почти сразу — на втором гудке.

— Анастейша? — Не ожидал, что я ему позвоню. Ну, если честно, я сама не ожидала. Потом до моего затуманенного мозга наконец доходит... Откуда он знает, что это я?

— Зачем вы прислали мне книги? — запинаясь языком произношу я.

— Анастейша, что с тобой? Ты какая-то странная. — Он явно обеспокоен.

— Это не я странная, а вы!

Вот такая я смелая, особенно после четырех маргарит!

— Анастейша, ты пила?

— А вам-то что?

— Просто интересно. Где ты?

— В баре.

— В каком? — Похоже, он сердится.

— В баре в Портленде.

— Как ты доберешься до дома?

— Как-нибудь. — Разговор получился не таким, как я рассчитывала.

— В каком ты баре?

— Зачем вы прислали мне книги, Кристиан?

— Анастейша, где ты? Скажи сейчас же. — И тон такой безапелляционный, самый настоящий тиран. Я представила себе Грея в костюме кинорежиссера эпохи немого кино: одетого в узкие бриджи для верховой езды, с рупором в одной руке и со стеклом — в другой. От выразительной картины я фыркаю от смеха.

— Вы обо мне беспокоитесь? — хихикаю я.

— Так помоги мне, твою мать! Где ты сейчас?

Кристиан Грей ругается! Я снова хихикаю.

— В Портленде... От Сиэтла далеко.

— Где в Портленде?

— Спокойной ночи, Кристиан.

— Ана!

Я отсоединяюсь. Ха! Но он все равно не сказал мне про книги. Обидно. Миссия не выполнена. Я совсем пьяная — пока стою в очереди, голова все время кружится. Но я ведь хотела напиться. Мне это удалось. Хотя, наверное, повторять не стоит. Все, подходит моя очередь. Плакат на двери кабинки восхваляет преимущества безопасного секса. Неужели я только что позвонила Кристиану Грею? Ну ничего себе!.. Мой телефон звонит, и я чуть не подпрыгиваю от неожиданности.

— Алло, — робко мычу я в телефон. Я не ждала звонка.

— Я сейчас за тобой приеду, — заявляет он и вешает трубку. Только Кристиан Грей умеет говорить так спокойно и так пугающе одновременно.

Черт! Я натягиваю джинсы. Сердце колотится. Приедет за мной? Вот еще! Меня сейчас стошнит... нет... Все хорошо. Постой. Он просто морочит мне голову. Я же не сказала ему, где я. А сам он меня не найдет. Да и к тому времени, когда он доберется сюда из Сиэтла, вечеринка закончится и мы разойдемся. Я мою руки и смотрю на свое отражение в зеркале. Щеки горят, взгляд немного расфокусированный. Хм... текила.

Я целую вечность жду у стойки, пока принесут кувшин с пивом, и возвращаюсь к нашему столу.

— Где ты пропадала? — отчитывает меня Кейт.

— Стояла в очереди в туалет.

Между Хосе и Леви разгорелся жаркий спор по поводу местной бейсбольной команды. Хосе останавливается посередине яростной тирады, чтобы налить нам всем пива, и я делаю большой глоток.

— Кейт, я хочу выйти, подышать свежим воздухом.

— Быстро тебя развезло!

— Я на пять минут, не больше.

Снова проталкиваюсь сквозь толпу. Меня начинает подташнивать, голова предательски кружится, и я нетвердо стою на ногах. Даже хуже, чем обычно.

От глотка прохладного вечернего воздуха ко мне приходит понимание того, как же сильно я напилась. Все вокруг двоится, как в старых диснеевских мультиках про Тома и Джерри. Боюсь, меня сейчас стошнит. Зачем же я так напилась?

— Ана. — Хосе вышел следом за мной. — Тебе плохо?

— По-моему, я слишком много выпила. — Я слабо улыбаюсь.

— Я тоже, — шепчет он, не сводя с меня пристального взгляда темных глаз. — Хочешь, обопрись на меня. — Он подходит поближе и обнимает меня за плечи.

— Спасибо, Хосе, не надо. Я справлюсь.

Я пытаюсь оттолкнуть его, но у меня не осталось сил.

— Ана, прошу тебя, — шепчет он и прижимает меня к себе.

— Хосе, что ты делаешь?

— Ана, ты давно мне нравишься. — Одной рукой он обхватывает меня за талию, а второй держит за подбородок, откидывая мою голову назад. О господи... он собирается меня поцеловать.

— Нет, Хосе, перестань! Нет! — Я отталкиваю его, но он как стена из железных мускулов, я не могу его сдвинуть. Его рука в моих волосах, он не дает мне отвернуться.

— Ана, пожалуйста, — шепчет Хосе, почти касаясь моих губ. Его дыхание влажно и пахнет слишком сладко — маргаритой и пивом. Он нежно целует меня в щеку чуть выше уголка рта. Я испугана, пьяна и беспомощна, мне трудно дышать.

— Хосе, не надо, — умоляю я.

«Я не хочу. Я отношусь к тебе как к другу, и меня сейчас вырвет», — кричит мое подсознание.

— Мне кажется, дама сказала «нет», — доносится из темноты спокойный голос. О господи! Кристиан Грей. Как он здесь оказался?

Хосе отпускает меня.

— Грей, — коротко произносит он.

Я тревожно оглядываюсь на Грея. Он сердито смотрит на Хосе, глаза его мечут молнии. Черт! Я больше не в силах удерживать в себе алкоголь. Желудок подкатывает к горлу, я сгибаюсь пополам, и меня картинно тошнит прямо на землю.

— Бог мой, Ана! — Хосе в отвращении отпрыгивает назад.

Грей убирает мои волосы с линии огня и, взяв под руку, мягко ведет к невысокой кирпичной цветочнице на краю парковки. С глубокой благодарностью я замечаю, что там относительно темно.

— Если захочешь еще раз вырвать, то лучше здесь. Я тебя подержу.

Одной рукой он придерживает меня за плечи, а второй собирает мои волосы в импровизированный конский хвост, чтобы они не падали на лицо. Я неловко пытаюсь его оттолкнуть, но меня снова тошнит... а потом еще раз. О господи... Сколько это будет продолжаться? Даже теперь, когда мой желудок полностью опустел и наружу больше ничего не выходит, тело сотрясают ужасные спазмы. Я молча даю себе клятву никогда больше не брать в рот спиртного. Словами этих мучений не передать. Наконец все заканчивается.

Совершенно измученная, я с трудом держусь ослабевшими руками за кирпичную стену цветочницы. Грей отпускает меня и дает носовой платок. Ну в чем еще кармане может быть чистый льняной платок с монограммой? КТГ. Интересно, где такие покупают? Вытирая рот, я вяло размышляю о том, что означает буква Т. Невозможно поднять глаза и посмотреть на Грея. Как стыдно. Лучше бы меня проглотили азалии, которые растут в контейнере, или я провалилась сквозь землю.

Хосе по-прежнему стоит у входа в бар и следит за нами. Простонав, я закрываю лицо руками. Это один из худших моментов моей жизни. Я пытаюсь вспомнить самый худший, и мне в голову приходит только отказ Кристиана. Наконец я набираюсь храбрости и украдкой бросаю на него быстрый взгляд. Грей смотрит на меня сверху вниз, и по его лицу ничего нельзя понять. Обернувшись, я вижу смущенного Хосе. Похоже, в присутствии Грея ему явно не по себе. Как я на него сердита! У меня для моего так называемого друга есть пара отборных слов, которые я никогда не решусь произнести в присутствии видного предпринимателя Кристиана Грея. Ну неужели я могу теперь сойти за настоящую леди, когда он только что видел, как меня выворачивало прямо на землю?!

— Я... э-э... буду ждать вас в баре, — бормочет Хосе.

Мы оба не обращаем на него внимания, и он исчезает за дверью. Я остаюсь один на один с Греем. Только этого не хватало. Что я ему скажу? Надо попросить прощения за телефонный звонок.

— Извините, — лепечу я, уставившись в платок, который отчаянно тереблю руками. «Какой мягкий».

— За что ты просишь прощения, Анастейша?

— В основном за то, что позвонила пьяная. Ну и много еще за что, — почти шепчу я, чувствуя, что краснею. «Можно я сейчас умру, ну пожалуйста!» — молю я неизвестно кого.

— Со всеми бывает, — говорит он сухо. — Надо знать свои возможности. Нет, я всей душой за то, чтобы раздвигать границы, но это уже чересчур. И часто с тобой такое случается?

Голова кружится от избытка алкоголя и раздражения. Ему-то какое дело? Я его сюда не звала. Он ведет себя со мной, как взрослый с провинившимся ребенком. Мне хочется сказать, что если захочу, то буду теперь напиваться каждый вечер, и его это не касается, однако

сейчас, после того как меня тошнило прямо у него на глазах, лучше промолчать. Почему он не уходит?

— Нет, — отвечаю я покаянно. — Такое со мной в первый раз, и сейчас у меня нет желания повторять эксперимент.

Никак не пойму, зачем он здесь... В ушах рождается шум. Грей замечает, что я вот-вот упаду, поднимает меня на руки, прижимая к груди, как ребенка.

— Успокойся, я отвезу тебя домой, — тихо говорит он.

— Надо предупредить Кейт. — «Господи спаси, я снова в его объятиях».

— Мой брат ей скажет.

— Кто?

— Мой брат Элиот сейчас разговаривает с мисс Кавана.

— Э?... — Ничего не понимаю.

— Он был вместе со мной, когда ты позвонила.

— В Сиэтле? — Я совершенно сбита с толку.

— Нет, я живу в «Хитмане».

«До сих пор? Почему?» — недоумеваю я.

— Как вы меня нашли?

— По твоему мобильному. Я отследил его, Анастейша.

Такое возможно? Это легально? «Он тебя преследует», — шепчет мне подсознание сквозь облако текилы, по-прежнему затуманивающее разум, но, поскольку это Грей, я не против.

— У тебя была с собой сумка или куртка?

— Э-э... вообще-то да. И то, и другое. Кристиан, пожалуйста, мне нужно предупредить Кейт. Она будет волноваться.

Его губы сжимаются в тонкую линию.

— Ну, если нужно...

Он ставит меня на землю и, взяв за руку, ведет обратно в бар. Я обессилена, запугана, по-прежнему пьяна и как-то невероятно взволнована. Он сжимает мою руку — какое странное переплетение чувств!

Внутри шумно и многолюдно. Играет музыка, и на танцполе собралась большая толпа. За нашим столом Кейт не видать, да и Хосе куда-то делся. Леви сидит в одиночестве, всеми покинутый и несчастный.

— А где Кейт? — Я стараюсь перекричать шум. Голова у меня начинает пульсировать в такт тяжелым басам.

— Танцует, — кричит в ответ Леви; он страшно зол и подозрительно оглядывает Кристиана. Я с трудом натягиваю свою черную куртку и надеваю через голову длинный ремень от сумочки. Я готова идти сразу же, как только найду Кейт.

— Она на танцполе. — Я чуть трогаю его рукой и наклоняюсь к уху; кончик моего носа касается его волос, я вдыхаю их чистый, свежий запах. О боже! Запретные, незнакомые чувства, которые я пыталась отрицать, поднимаются из глубин и доводят до исступления мое измученное тело. Я краснею, и где-то глубоко, глубоко внутри мои мышцы сладостно сжимаются.

Грей косится на меня, снова берет за руку и ведет к барной стойке. Его обслуживают немедленно: мистер Грей не привык ждать. Неужели ему все достается так легко?

— Выпей, — командует он, протягивая мне очень большой стакан воды со льдом.

Цветные огни, вспыхивающие в такт музыке, отбрасывают странные блики и тени по всему бару. Мой спутник попеременно становится зеленым, голубым, белым и демонически красным. Он внимательно смотрит на меня. Я делаю робкий глоток.

— Допивай!

Все-таки он самый настоящий деспот. Грей, явно расстроенный, ерошит рукой непослушные волосы. У него-то какие проблемы? Ну, если не считать глупую пьяную девицу, которая звонит ему среди ночи. Он тут же решает, что ее надо спасти и, между прочим, оказывается прав. А потом ему приходится смотреть, как ее выворачивает наизнанку... «Ох, Ана, сколько можно мусолить одно и то же?» — сердито одергивает мое подсознание. Мне представляется, что оно строго смотрит на меня поверх очков.

Мир под ногами чуть покачивается, и Грей кладет руку мне на плечо, чтобы поддержать. Я послушно допиваю воду; от выпитого меня снова начинает подташнивать. Грей забирает стакан и ставит его на стойку бара. Сквозь пелену я замечаю, что он одет в просторную белую льняную рубашку, облегающие джинсы, черные кеды-конверсы и темный пиджак в полоску. Ворот рубашки расстегнут, видны волосы на груди. Моему помутненному сознанию он кажется очень привлекательным.

Грей снова берет меня за руку. Ой, мама!.. Он тащит меня на танцпол. Черт! Я не танцую. Он чувствует, что я упираюсь, и под цветными лучами я вижу его довольную, немного злорадную улыбку. Грей протягивает мне руку и резко дергает: я оказываюсь в его руках, и он снова начинает двигаться, увлекая меня за собой. Ого! Он здорово танцует, и, к своему удивлению, я следую за ним шаг в шаг. Наверное, потому, что я пьяная. Грей крепко прижимает меня к себе. Иначе я упала бы в обморок у его ног. В каком-то уголке мозга вдруг всплывает любимое предупреждение мамы: «Никогда не доверяй мужчинам, которые хорошо танцуют».

Мы движемся через толпу к другому концу площадки и вот уже оказываемся рядом с Кейт и Элиотом — братом Кристиана. Музыка, громкая и разнузданная, грохочет у меня в голове. Я задыхаюсь. Кейт явно в ударе, танцует как сумасшедшая. С ней такое редко бывает: лишь тогда, когда ей кто-то очень нравится. Действительно нравится. И значит, завтра за завтраком нас будет трое. Кейт!

Кристиан наклоняется и что-то шепчет на ухо Элиоту. Элиот — высокий, широкоплечий, с волнистыми светлыми волосами и коварным блеском в глазах. В пульсирующем свете прожекторов я не могу разобрать их цвета. Элиот усмехается и обнимает Кейт. Она, похоже, счастлива... Кейт! Даже в моем состоянии я просто в шоке. Она ведь только что с ним познакомилась!.. Кейт кивает каким-то его словам, улыбается и машет мне рукой. Кристиан в мгновение ока уводит нас с танцпола.

Но мы с ней и словом не перемолвились. Ясно, к чему все идет. Им срочно нужна лекция о безопасном сексе. Надеюсь, она видела плакат на двери туалета. Мысли бурлят в голове, пытаюсь прорваться сквозь пьяный туман. Здесь слишком жарко, слишком громко и слишком много огней. Голова идет кругом... кажется, пол сейчас поднимется прямо к лицу. Последнее, что я слышу перед тем, как упасть без сознания на руки Кристиана Грея, это его ругательство:

— Твою мать!

Тихо. Шторы задернуты. В кровати тепло и удобно. М-да... я открываю глаза и в первый момент безмятежно наслаждаюсь обстановкой. Интересно, где я? Позади меня изголовье кровати в форме восходящего солнца. Что-то смутно знакомое. Большая просторная комната роскошно обставлена в коричневых, бежевых и золотых тонах. Я вроде уже видела нечто подобное. Вот только где? Мой сонный ум пытается разобраться в зрительных образах недавнего прошлого. И вдруг до меня доходит: я в отеле «Хитман»... в люксе. Мы с Кейт были в покое. Только этот больше. Черт! Я в номере у Кристиана Грея. Как я сюда попала?

Постепенно возвращаются обрывочные воспоминания о предыдущем вечере. Я напилась, позвонила Грею, меня тошнило. Потом Хосе, а потом опять Кристиан. Какой ужас! Я внутренне сжимаюсь. Я не помню, как сюда попала. На мне футболка, лифчик и трусики. Носков нет. Джинсов тоже. Черт!

На столике рядом с кроватью — стакан апельсинового сока и две таблетки. Адвил. Кристиан и об этом позаботился! Я сажусь на кровати и глотаю таблетки. Вообще-то я чувствую себя совсем неплохо, прямо скажем, гораздо лучше, чем заслуживаю. Апельсиновый сок просто божественный! Утоляет жажду и освежает. Ничто так не помогает от сухости во рту, как свежесжатый апельсиновый сок.

Раздается стук в дверь. Сердце подскакивает к горлу, и я не могу произнести ни слова. Грей все равно открывает дверь и заходит в комнату.

Ничего себе! Он только что с тренировки. На нем свободные серые трикотажные штаны и потемневшая от пота фуфайка. Мысль о потном Кристиане Грее меня странно волнует. Я глубоко вздыхаю и смеживаю веки, словно мне два годика и, если я закрою глаза, меня никто не найдет.

— Доброе утро, Анастейша. Как ты себя чувствуешь?

Ну, все.

— Лучше, чем заслуживаю, — бормочу я.

Кристиан ставит большую спортивную сумку на кресло и берет руками за концы полотенца, которое висит у него на шее. Он смотрит на меня, серые глаза непроницаемы, и, как обычно, я совершенно не представляю, о чем он думает. Он очень хорошо умеет прятать свои мысли и чувства.

— Как я сюда попала? — Мой голос тих и смиренен.

Грей подходит и садится на край кровати. Он так близко, что я могу к нему прикоснуться, чувствую его запах. О господи... запах тела и геля для душа — пьянящий коктейль, гораздо сильнее, чем маргарита, теперь я это знаю на собственном опыте.

— Когда ты потеряла сознание, я не стал рисковать кожаной обивкой салона и отвезить тебя домой. Пришлось оставить тебя здесь, — отвечает он равнодушно.

— Кто укладывал меня в постель?

— Я. — Его лицо непроницаемо.

— Меня снова тошнило?

— Нет.

— Раздевал меня тоже ты? — Я почти шепчу.

— Тоже я. — Он выгибает бровь, а я отчаянно краснею.

— Мы не... — еле-еле выговариваю я, помертвев от ужаса. Закончить фразу у меня не

получается, и я замолкаю, уставившись на свои руки.

— Анастейша, ты была в коматозном состоянии. Некрофилия — это не мое. Я предпочитаю, чтобы женщина была жива и реагировала, — поясняет он сухо.

— Мне очень стыдно.

Его губы немного приподнимаются в кривой усмешке.

— Да, весело провели время. Вечер надолго запомнится.

Мне тоже...

Но он смеется надо мной, негодяй! Он сам приехал, его никто не просил, а в результате меня назначили главным злодеем.

— Нечестно использовать всякие шпионские технологии, которые вы там у себя разрабатываете, чтобы следить за девушкой, — огрызаюсь я.

Кристиан смотрит на меня удивленно и, кажется, обиженно.

— Во-первых, отследить мобильный телефон можно по Интернету. Во-вторых, моя компания не занимается производством аппаратуры для слежки и скрытого наблюдения, и в-третьих, если бы я за тобой не приехал, ты бы проснулась в постели фотографа, а насколько я помню, ты была не в восторге от такого ухажера, — произносит он язвительно.

Ухажера!.. Кристиан Грей сердится, его серые глаза оскорбленно сверкают.

— Да ты просто рыцарь из средневековой хроники, — ехидно замечаю я.

Он немного оттаивает. Выражение лица смягчается, и на красиво очерченных губах мелькает тень улыбки.

— Нет, Анастейша, совсем не похож. Разве что на темного рыцаря. — Кристиан насмешливо улыбается. — Ты вчера ела? — строго спрашивает он.

Я мотаю головой. Какое еще преступление я совершила? Хотя его губы сжимаются, лицо остается бесстрастным.

— Обязательно надо есть. А ты пила на голодный желудок, и потому тебе было так плохо. Если честно, Анастейша, это самое первое правило, когда пьешь.

Он ерошит волосы рукой, а значит, все еще сердится.

— Ты и дальше будешь читать мне мораль?

— А это так называется?

— По-моему, да.

— Ты еще легко отделалась.

— В каком смысле?

— Если бы ты была моей, тебе бы еще неделю было больно сидеть, после того что ты вчера устроила. Пила на голодный желудок, напилась пьяная, чуть не влипла в историю... — Грей закрывает глаза, на его красивом лице ясно проявляется отвращение, и он слегка содрогается. Затем открывает глаза и строго смотрит на меня. — Страшно подумать, что могло с тобой случиться.

Ему-то какое дело? Если бы я была его... но я не его. Хотя, возможно, в глубине души я не против. Эта мысль пробивается сквозь негодование, вызванное его высокомерием. Я краснею: мое своенравное подсознание танцует радостный танец хула-хула при одной мысли, что я могла бы быть его.

— Ничего бы со мной не случилось. Я была с Кейт.

— А как насчет фотографа? — фыркает он.

Гм... Хосе-младший. Придется сказать ему пару ласковых.

— Хосе просто занесло. — Я пожимаю плечами.

— Думаю, кто-то должен научить этого фотографа хорошим манерам, чтобы его больше не заносило.

— Какой ты строгий, — фыркаю я.

— Ах, Анастейша, ты даже не представляешь. — Глаза Кристиана сужаются, и на лицо ложится озорная ухмылка.

Улыбка Грея действует на меня совершенно обезоруживающе. Только что я злилась — и вот уже не могу отвести взгляда от его лица. Ох!.. За эту улыбку можно все простить. Наверное, потому, что он так редко улыбается. Я даже забыла, о чем мы говорили.

— Я иду в душ. Или ты первая? — Он наклоняет голову набок, по-прежнему улыбаясь. Мое сердце колотится, мозг перестал посылать импульсы нейронам, отвечающим за дыхание. Улыбка Грея становится шире, он проводит большим пальцем мне по щеке и нижней губе.

— Дыши, Анастейша, — шепчет Грей и встает. — Через пятнадцать минут подадут завтрак. Ты, наверное, голодная. — Он идет в ванную и закрывает дверь.

Я наконец-то могу выдохнуть. Почему он так дьявольски красив? Мне хочется встать и войти к нему в душ. Никогда раньше я не испытывала ничего подобного. Гормоны бушуют. Я все еще чувствую на щеке и верхней губе прикосновение его руки. По телу разливается ощущение тягостного, болезненного дискомфорта. Что со мной? Хмм... Вожделение. Вот как, оказывается, это бывает.

Я снова ложусь на пуховые подушки. «Если бы ты была моей». О господи... Чего бы я только не отдала, чтобы быть его! Кристиан Грей — единственный мужчина, который заставляет мое сердце ускоренно биться, а кровь — бежать по жилам. Хоть мне и не все в нем нравится: он очень замкнутый и противоречивый. Он то отталкивает меня, то присылает книги за четырнадцать тысяч долларов, да еще потом преследует, как будто я какая-нибудь знаменитость, а он — настырный поклонник. И при всем при том я провела ночь в его номере и чувствую себя в полной безопасности. Под его защитой. Он примчался спасать меня от выдуманной им самим опасности. Нет, он не темный, а самый настоящий белый рыцарь в сверкающих доспехах, классический романтический герой — сэр Гавейн или Ланселот.

Я вылезаю из постели и отчаянно пытаюсь отыскать свои джинсы. Грей выходит из душа мокрый, блестящий от воды и по-прежнему небритый. На нем ничего нет, кроме обернутого вокруг талии полотенца. И конечно, я стою с голыми ногами и изнываю от смущения. Он удивлен, что я уже встала.

— Твои джинсы я отдал в стирку. — В его взгляде серый обсидиан. — Ты их забрызгала, когда тебя тошнило.

— Ох. — Я становлюсь пунцовой. Почему он каждый раз застает меня врасплох?

— Я попросил Тейлора купить тебе пару джинсов и какие-нибудь туфли. Они в сумке на кресле.

Чистая одежда. Какой неожиданный бонус.

— Э... Пойду приму душ, — бормочу я. — Спасибо.

Что еще тут можно сказать? Схватив сумку, я опрометью заскакиваю в душ, подальше от волнующей близости обнаженного Кристиана Грея. «Давид» Микеланджело — ничто по сравнению с ним.

В ванной жарко и влажно — еще не успело проветриться. Скорее сбросить одежду и встать под очищающие струи воды. Лицо оmyвает благодатный поток. Я хочу Кристиана Грея.

Очень, очень сильно. Это просто констатация факта. Впервые в жизни я хочу лечь в постель с мужчиной. Хочу чувствовать прикосновения его рук и губ.

Он сказал, что предпочитает восприимчивых женщин. Следовательно, он не хранит невинность. Но он даже не пробовал ко мне подкатить, как Пол или Хосе. Не понимаю. На прошлой неделе он не стал меня целовать. Я его не привлекаю? Тогда зачем он привез меня сюда? «Ты всю ночь провела в его постели, Ана, и он к тебе пальцем не прикоснулся. Делай выводы», — мое подсознание снова поднимает свою уродливую, злобную голову. Я не обращаю на него внимания.

Вода теплая и умиротворяющая. Бесконечно стояла бы под душем в этой ванной. Жидкое мыло пахнет Кристианом. Обалденный запах! Я растираю его по телу, представляя, что это он — он своими длинными пальцами наносит чудесно пахнущее мыло мне на грудь, на живот и между ног. О господи. Сердце снова колотится, это так... так приятно.

— Завтрак готов. — Грей стучит в дверь, и от этого звука я вздрагиваю.

— Иду. — Реальность вырывает меня из мира эротических грез.

Выбравшись из кабинки, я беру два полотенца: одно заматываю на голове в стиле Кармен Миранды и торопливо вытираюсь другим, не обращая внимания на то, как приятны эти прикосновения моей сверхчувствительной коже.

Заглядываю в сумку с джинсами. Тейлор купил не только джинсы и новые конверсы, но еще и бледно-голубую блузку, носки и белье. О господи. Чистый лифчик и трусики!.. Называть их простыми, скучными словами было бы несправедливо. Это изысканные вещицы каких-то модных европейских фирм. Бледно-голубые кружева и украшения. Ух ты! Белье меня восхищает и одновременно немного пугает. Более того, размер в точности мой. Хотя, конечно, Грей мог его узнать. Я краснею, представив, как мужчина с короткой стрижкой покупает мне трусики в дорогом магазине. Интересно, какие еще у него рабочие обязанности.

Я быстренько одеваюсь. Все сидит превосходно. Осталось только привести голову в порядок, и я яростно тру мокрые волосы полотенцем. Как обычно, они не желают лежать ровно, и приходится собрать их в хвост. Надо будет посмотреть, в сумочке была резинка. Делаю глубокий вдох: все, я готова встретиться с мистером Занудой.

К моему облегчению, спальня пуста. Я оглядываюсь в поисках сумочки, но ее нигде нет. Глубоко вдохнув, выхожу в гостиную. Она просто огромная. В зоне для отдыха — роскошный плюшевый диван, заваленный подушками, мягкие кушетки и элегантный журнальный столик с кучей книг в гляцевых обложках; в рабочей зоне — «мак» последней модели; на стене — огромный плазменный экран. Кристиан сидит за обеденным столом на другом конце комнаты и читает газету. Все помещение размером с теннисный корт (сама я не играю в теннис, но несколько раз видела, как играла Кейт). Кейт!

— Черт, Кейт! — вскрикиваю я.

Кристиан внимательно смотрит на меня.

— Я послал сообщение Элиоту, — говорит он немного насмешливо. — Она знает, что ты здесь и пока еще жива.

Ох, только этого не хватало. Я помню ее страстный танец вчера вечером и ее фирменные движения, которыми она пыталась соблазнить брата Кристиана. Что она обо мне подумает? Я никогда еще не ночевала вне дома. Значит, она до сих пор с Элиотом. С ней такое случалось только дважды, и оба раза я потом целую неделю вынуждена была любоваться ее ужасной розовой пижамкой. Кейт решит, что я тоже нашла себе приключение на одну ночь.

Кристиан окидывает меня повелительным взглядом. На нем белая льняная сорочка, воротник и манжеты расстегнуты.

— Садись, — командует он, указывая на место за столом.

Я иду через всю комнату и, как было приказано, сажусь напротив него. Стол уставлен едой.

— Я не знал, что ты захочешь, поэтому взял на всякий случай несколько разных блюд из утреннего меню, — говорит он с кривой, чуть извиняющейся улыбкой.

— Какое расточительство, — бормочу я, удивляясь его выбору, хоть мне ужасно хочется есть.

— Да уж. — Тон у него немного виноватый.

Я выбираю блинчики с кленовым сиропом и яичницу с беконом. Кристиан пытается скрыть улыбку и возвращается к своему омлету из яичных белков. Еда необычайно вкусная.

— Чаю?

— Да, пожалуйста.

Он передает мне небольшой чайник с кипятком и пакетик «Английского завтрака» на блюдечке. Обалдеть, он помнит, какой чай мне нравится.

— У тебя мокрые волосы.

— Я не нашла фен, — смущенно бормочу я. Честно говоря, я и не искала.

Кристиан поджимает губы.

— Спасибо за чистую одежду.

— Не за что. Этот цвет тебе к лицу.

Я краснею и утыкаюсь взглядом в свои руки.

— Знаешь, тебе бы следовало научиться принимать комплименты, — произносит он осуждающе.

— Я хочу отдать тебе деньги за одежду.

Он смотрит на меня, как будто я его глубоко обидела. Я спешу добавить:

— Ты уже подарил мне книги, которые я, между прочим, не могу от тебя принять. Хотя бы за одежду позволь мне заплатить самой. — Я неуверенно улыбаюсь.

— Анастейша, поверь, я могу себе позволить...

— Не в этом дело. С какой стати ты будешь дарить мне подарки?

— Потому что мне это ничего не стоит. — Его глаза сверкают сердитым блеском.

— Это еще не повод, — отвечаю я тихо. Он выгибает бровь, моргает, и я вдруг понимаю, что мы говорим о чем-то другом, но я не знаю, о чем именно. Я сразу вспоминаю...

— Зачем ты прислал мне эти книги, Кристиан? — спрашиваю я тихо.

Он откладывает нож и вилку и внимательно смотрит на меня. В его глазах светится какое-то непонятное чувство.

— Когда тебя едва не сбил велосипедист, я держал тебя, и ты смотрела на меня, словно говоря: «Поцелуй же меня, Кристиан». — Грей пожимает плечами. — Я почувствовал, что должен извиниться и как-то тебя подбодрить. — Он ерошит волосы рукой. — Анастейша, я не герой-любовник. Я не завожу романов. И вкусы у меня очень своеобразные. Лучше бы тебе держаться от меня подальше. — Он закрывает глаза, как бы признавая себя побежденным. — Но в тебе есть нечто такое, что заставляет меня возвращаться снова и снова. Думаю, ты сама это поняла.

Есть уже совсем не хочется.

— Зачем же бороться с собой? — шепчу я.

Широко раскрыв глаза, он судорожно вздыхает.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Ну так просвети меня.

Мы сидим, глядя друг другу в глаза, никто не прикасается к еде.

— Ты дал обет безбрачия? — выпаливаю я.

В его серых глазах загораются смешинки.

— Нет, Анастейша, такого обета я не давал. — Кристиан Грей замолкает, чтобы я усвоила информацию, и я краснею до ушей. Неужели я только что произнесла такое вслух!

Нет, действительно лучше жевать, чем говорить.

— Какие у тебя планы на ближайшие дни? — спрашивает он спокойно.

— Сегодня после обеда я работаю. А сколько сейчас времени? — внезапно пугаюсь я.

— Чуть больше десяти, ты еще сто раз успеешь. А как насчет завтра?

Он сидит напротив меня, поставив локти на стол и опершись подбородком на сплетенные длинные пальцы.

— Мы с Кейт хотели упаковать вещи. На следующие выходные у нас назначен переезд в Сиэтл. И всю эту неделю я работаю в «Клейтонсе».

— Ты уже знаешь, где вы будете жить в Сиэтле?

— Да.

— Где?

— Не помню адреса. Где-то в районе Пайк-маркет.

— Недалеко от меня. — Его губы изгибаются в полуулыбке. — А где ты собираешься работать в Сиэтле?

Зачем он все это спрашивает? Кристиан Грей умеет устраивать допрос с пристрастием еще почище, чем Кэтрин Кавана.

— Я подала документы сразу в несколько мест. Сейчас жду ответов.

— В мою компанию ты пойти не захотела?

Я опускаю глаза. Конечно же, нет.

— Вообще-то, нет.

— А что тебя не устраивает в моей компании?

— В твоей компании или в «Грей энтерпрайзес»? — хмыкаю я.

— Вы надо мной смеетесь, мисс Стил? — Он наклоняет голову набок. Кажется, разговор его забавляет, однако трудно сказать наверняка. Я опускаю взгляд в тарелку с неоконченным завтраком. У меня нет сил смотреть ему в глаза, когда он говорит таким тоном.

— Я бы хотел укусить эту губу, — мрачно произносит Кристиан.

О господи. Сама не замечая, я машинально кусаю нижнюю губу. Челюсть у меня отваливается, я одновременно пытаюсь сглотнуть и втянуть воздух. Это самая сексуальная фраза, которую я когда-либо слышала. Сердце колотится в бешеном темпе, я задыхаюсь. Черт, я вся дрожу от возбуждения, хоть он ко мне даже не прикоснулся. Подняв глаза, я встречаю его насупленный взгляд.

— Ну так что же тебя удерживает? — с вызовом спрашиваю я.

— Я даже близко не подойду к тебе, Анастейша, пока не получу на это твоего письменного согласия. — На его губах блуждает тень улыбки.

— В каком смысле?

— В прямом. — Он вздыхает и кивает мне, довольный, но в то же время немного

сердитый. — Я тебе все покажу, Анастейша. Во сколько ты сегодня кончаешь работу?

— Около восьми.

— Мы можем поехать в Сиэтл и поужинать у меня дома. Там я объясню тебе, как обстоят дела. Предпочитаешь сегодня или в следующую субботу? Выбери.

— Почему ты не можешь сказать мне прямо сейчас? — нетерпеливо спрашиваю я.

— Потому что я наслаждаюсь завтраком в твоём обществе. Узнав всю правду, ты, вероятно, больше не захочешь меня видеть.

Черт побери! Что он имеет в виду? Он продает детей в рабство в какие-нибудь забытые богом уголки? Он — часть подпольного преступного синдиката? Тогда понятно, откуда у него столько денег. Он глубоко религиозен? Он импотент? Конечно, нет, это он может доказать мне прямо сейчас. О господи, я краснею. Так можно гадать до бесконечности. Чем раньше я узнаю тайну Кристиана Грея, тем лучше. Если окажется, что, узнав его секрет, я больше не захочу с ним общаться, то, честно говоря, это только к лучшему. «Не надо себя обманывать, — ехидно замечает мое подсознание, — дело должно быть совсем уж плохо, чтобы ты все бросила и сбежала».

— Сегодня.

Он поднимает бровь.

— Ты, как Ева, торопишься вкусить с древа познания.

— Вы надо мной смеетесь, мистер Грей? — мило интересуюсь я. Надутый осел.

Он прищуривается, берет свой «блэкбери» и нажимает кнопку.

— Тейлор, мне понадобится Чарли Танго^[3].

Чарли Танго? Кто это?

— Из Портленда примерно в двадцать тридцать... Нет, пусть ждет в Эскала... Всю ночь.

«Всю ночь!»

— Да. Завтра утром по звонку. Я полечу из Портленда в Сиэтл.

«Полечу?»

— Запасной пилот с двадцати двух тридцати.

Он кладет телефон. Ни «спасибо», ни «пожалуйста».

— Люди всегда тебя слушаются?

— Да, как правило, если не хотят потерять работу.

— А если они у тебя не работают?

— У меня есть способы убеждать, Анастейша. Доедай свой завтрак. Я отвезу тебя домой, а в восемь, когда ты закончишь работу, заеду за тобой в «Клейтонс». Мы полетим в Сиэтл.

Я быстро моргаю.

— Полетим?

— Да, на моем вертолете.

Потрясающе. Это мое второе свидание с таинственным Кристианом Греем. Начиналось все с кофе, а теперь дело дошло до вертолетных прогулок. Ничего себе!

— А на машине доехать нельзя?

— Нет.

— Почему?

Он ухмыляется.

— Потому что я так хочу. Доедай.

Как теперь есть? Я лечу с Кристианом Греем в Сиэтл на вертолете. И он хочет укусить

мою губу.

— Ешь, — говорит он уже строже. — Анастейша, я терпеть не могу выкидывать еду. Доедай.

— Я не могу столько съесть, — оправдываюсь я.

— Доедай то, что у тебя на тарелке. Если бы ты вчера нормально поела, тебя бы сейчас здесь не было, и мне бы не пришлось так быстро раскрывать свои карты. — Он плотно сжимает губы. Похоже, сердится.

Я хмурюсь и возвращаюсь к остывшим блинчикам и яичнице. «Я слишком взволнована, чтобы есть, Кристиан! Как ты не понимаешь?» — я не решаюсь произнести это вслух, особенно когда он такой мрачный. Ну совсем как маленький. Даже забавно.

— Что тут смешного? — спрашивает он.

Я трясую головой, не решаясь ответить, и не поднимаю глаз от тарелки. Проглотив последний кусочек блинчика, бросаю взгляд на Кристиана Грея. Он задумчиво меня рассматривает.

— Умница. Теперь я отвезу тебя домой, только сначала высуши волосы. Не хочу, чтобы ты заболела.

В его словах мне чудится какое-то смутное обещание. Что он хочет этим сказать? Я встаю из-за стола. Может, нужно было сначала спросить разрешения? Нет, лучше не создавать опасного прецедента. Я направляюсь обратно в спальню и замираю на полдороге от внезапно пришедшей мне в голову мысли.

— А где ты спал? — Я поворачиваюсь к Кристиану Грею, все еще сидящему за обеденным столом. В гостиной не видно никаких простыней и одеял.

— В своей постели, — отвечает он с непроницаемым выражением.

— Вот как.

— Да, совершенно новые для меня ощущения. — Он улыбается.

— Ты имеешь в виду не секс?

Ну вот, я сказала это слово. И покраснела, разумеется.

— Нет. — Грей качает головой и хмурится, словно вспоминая что-то неприятное. — Спать с кем-то в одной постели.

Он берет газету и принимается за чтение.

Ох, хотела бы я знать, что все это значит. Он никогда ни с кем не спал? Он девственник? Вряд ли. Я гляжу на него с недоверием. Он самый таинственный персонаж из всех, кого я знаю. И тут до меня доходит, что я спала с Кристианом Греем. Ах, я бы все на свете отдала, только бы быть в сознании и смотреть на него спящего. Видеть его беззащитным. Мне почему-то трудно это представить. Ладно, вроде бы сегодня вечером все должно проясниться.

В спальне я заглядываю в комод и нахожу там фен. Используя пальцы вместо щетки, как могу, сушу волосы. Закончив, иду в ванную, чтобы почистить зубы и вижу там щетку Кристиана. Я буду воображать, что это он. Хм... Оглядываясь через плечо, как преступница, я ощупываю щетинки. Мокрые. Значит, он ею уже пользовался. Я хватаю щетку, выдавливаю пасту и быстро-быстро чищу зубы. Чувствую себя ужасно испорченной. Это так приятно.

Я сгребаю в кучу вчерашнюю футболку, лифчик и трусики и кидаю их в пакет из магазина, в котором Тейлор принес чистые вещи, а потом иду в гостиную на поиски сумки и жакета. Какая радость! В сумке нашлась резинка. Кристиан смотрит, как я собираю волосы в конский хвост на затылке. По его лицу невозможно понять, о чем он думает. Он

разговаривает с кем-то по телефону.

— Им надо два?.. И во сколько это обойдется?.. Хорошо, а как насчет мер безопасности? Они пойдут через Суэц?.. Разгрузка в Порт-Судане?.. Когда они придут в Дарфур?.. Хорошо, так и сделаем. Держите меня в курсе. — Он дает отбой. — Готова?

Я киваю. Интересно, о чем был разговор.

— После вас, мисс Стил, — говорит Грей, придерживая передо мной дверь. Как он небрежно элегантен!

Я медлю чуть дольше, чем следует, упиваясь его видом. Я спала с ним этой ночью, и после всех вчерашних событий (текилы и последствий) он все еще не испытывает ко мне отвращения. Более того, зовет меня с собой в Сиэтл. Почему именно я? Мне этого не понять. Я иду к двери, вспоминая его слова — «в тебе есть нечто такое». Что ж, наши чувства полностью взаимны, мистер Грей, и я хочу выяснить, в чем загвоздка.

Мы молча идем по коридору. В ожидании лифта я подсматриваю за Кристианом сквозь ресницы, а он краем глаза поглядывает на меня. Я улыбаюсь, его губы кривятся.

Лифт приезжает, мы заходим внутрь. Вдруг, по какой-то необъяснимой причине, возможно из-за нашей близости в замкнутом пространстве, атмосфера между нами меняется, заряжаясь опьяняющим предчувствием. Мое дыхание учащается, сердце бьется сильнее. Он чуть поворачивается ко мне, его глаза темнее графита. Я кусаю губу.

— К черту бумаги, — рычит Грей. Он набрасывается на меня и прижимает к стене лифта. Прежде чем я успеваю опомниться, он словно тисками сжимает рукой мои запястья и поднимает их мне над головой, при этом бедрами прижимая меня к стене. О-о! Другой рукой он тянет вниз мой «конский хвост» так, чтобы лицо обратилось к нему. Его губы касаются моих. Мне почти больно. Я испускаю стон в его раскрытый рот; воспользовавшись этим, он проникает языком в образовавшееся отверстие и начинает уверенно изучать мой рот. Меня никто так не целовал. Немного нерешительно, я тянусь языком ему навстречу, и мы сливаемся в медленном эротическом танце прикосновений и ласк, чувственности и страсти. Теперь он крепко держит меня за подбородок. Мои руки пригвождены к стене, голова запрокинута, его бедра не дают мне пошевелиться. Я чувствую животом его эрекцию. О господи... Он хочет меня! Кристиан Грей, прекрасный, как греческий бог, хочет меня, и я хочу его... прямо здесь, в лифте.

— Ты. Такая. Сладкая. — Он произносит каждое слово отдельно.

Лифт останавливается, двери открываются, и Кристиан в мгновение ока отскакивает прочь. Входят трое мужчин в деловых костюмах и, глядя на нас, ухмыляются. Сердце колотится, словно я только что бежала в гору. Я хочу сесть и обхватить колени... но это слишком очевидно.

Украдкой я смотрю на него. Кристиан Грей выглядит абсолютно спокойным, как будто он только что разгадывал кроссворд в газете. Ужасная несправедливость. Неужели ему все равно, что я тут стою рядом с ним? Он смотрит на меня искоса и глубоко вздыхает. О, ему совсем не все равно! И моя маленькая внутренняя богиня, плавно покачивая бедрами, танцует победную самбу.

Бизнесмены выходят на втором. Остается проехать один этаж.

— Ты почистила зубы, — говорит Грей, глядя на меня.

— Твоей зубной щеткой.

Его губы кривит чуть заметная улыбка.

— Ах, Анастейша Стил, что мне с тобой делать?

Двери открываются, он берет меня за руку и ведет за собой.

— Что за странное свойство лифтов? — задумчиво произносит на ходу Кристиан, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. Я машинально стараюсь не отстать от него; думать я сейчас не способна. Мои мозги остались размазанными ровным слоем по стенам и полу лифта номер три в отеле «Хитман».

Кристиан открывает дверь пассажирского сиденья черного внедорожника «Ауди», и я забираюсь внутрь. Он ни словом не обмолвился о вспышке страсти, которая случилась в лифте. Можно ли это упоминать? Или притвориться, будто ничего не произошло? Мне уже самой не верится, что это было на самом деле — мой первый настоящий поцелуй. Чем дальше, тем больше он похож на миф — легенду Артуровского цикла или затонувшую Атлантиду. Ничего не было и быть не могло. Наверное, мне померещилось. Я трогаю свои распухшие от поцелуя губы. Нет, никаких фантазий. Я уже совсем не та, что раньше. Я безумно хочу этого мужчину, и он хочет меня.

Кристиан, как обычно, держится вежливо и слегка отстраненно.

Как это понимать?

Он заводит двигатель, выезжает со своего места на парковке и включает MP3-плеер. Салон машины заполняет сладчайшая, волшебная мелодия — поют два женских голоса. Здорово... мои чувства в беспорядке, и музыка действует в два раза сильнее. От восторга по спине бегут мурашки. Кристиан поворачивает на Парк-авеню. Он ведет машину со спокойной, ленивой уверенностью.

— Что за музыка?

— Цветочный дуэт из «Лакме» Делиба. Тебе нравится?

— Восхитительно.

— Да, классно. — Кристиан глядит на меня и ухмыляется. На какое-то мгновение он становится молодым, беззаботным, офигенно красивым — таким, каким должен быть человек в его возрасте. Может, это и есть ключ к его душе? Музыка? Замерев, я сижу и слушаю дразнящие и манящие ангельские голоса.

— А можно поставить еще раз?

— Конечно.

Кристиан нажимает на кнопку, и мой слух снова ласкает дивная музыка, и я отдаюсь ее нежной, томительной власти.

— Ты любишь классическую музыку? — спрашиваю, надеясь узнать побольше о его личных пристрастиях.

— У меня очень эклектичный вкус, Анастейша. Мне многое нравится, начиная с Томаса Таллиса и кончая «Кингз оф Леон». Все зависит от настроения. А ты?

— То же самое. Только я не знаю, кто такой Томас Таллис.

— Я тебе когда-нибудь сыграю. Это английский композитор шестнадцатого века. Духовная музыка эпохи Тюдоров. — Кристиан улыбается. — Похоже на эзотерику, я понимаю, но вообще-то завораживает.

Он нажимает на кнопку, и начинается песня «Кингз оф Леон». Эту я знаю. «Секс в огне». Очень подходящая. Музыка прерывает звонок мобильного телефона, доносящийся из динамиков стереосистемы. Кристиан нажимает кнопку на руле.

— Грей, — отрывисто произносит он. Какой он все-таки бесцеремонный.

— Мистер Грей, это Уэлч. У меня есть информация, которую вы запрашивали. — Из динамиков доносится скрежещущий механический голос.

— Хорошо, скиньте ее мне по электронной почте. Хотите что-нибудь добавить?

— Нет, сэр.

Грей нажимает на кнопку — звонок закончен, снова играет музыка. Ни «спасибо», ни «до свидания». Какое счастье, что я не восприняла всерьез его предложение пойти к нему работать. Я содрогаюсь при одной только мысли. Он слишком требователен и холоден со своими служащими.

Музыка снова прерывается из-за телефонного звонка.

— Грей.

— Договор о неразглашении выслан вам на почту, мистер Грей. — Женский голос.

— Хорошо. Это все, Андреа.

— Доброго дня, сэр.

Кристиан разрывает связь, нажав кнопку на руле. Не успевает заиграть музыка, как телефон звонит снова. Боже мой, неужели у него все время эти бесконечные телефонные звонки?

— Грей, — бросает он.

— Привет, Кристиан. Ну как? Ты с ней переспал?

— Привет, Элиот. Телефон на громкой связи, и я в машине не один. — Кристиан вздыхает.

— А кто с тобой?

— Анастейша Стил.

— Привет, Ана!

«Ана!»

— Доброе утро, Элиот!

— Много о вас наслышан, — понизив голос, произносит он.

— Не верьте ни одному слову из того, что говорит Кейт.

Элиот смеется.

— Я подброшу Анастейшу до дома. — Кристиан подчеркнуто называет меня полным именем. — Тебя забрать?

— Да, конечно.

— Тогда до встречи.

Снова играет музыка.

— Почему ты зовешь меня Анастейша?

— Потому что это твое имя.

— Я предпочитаю «Ана».

— До сих пор? — бормочет он.

Мы уже почти у моего дома. Как быстро доехали!

— Анастейша, — медленно произносит Грей. Я бросаю на него сердитый взгляд, но он не обращает внимания. — Того, что случилось в лифте, больше не повторится. Теперь все пойдет по плану.

У нашей квартиры я вспоминаю, что он не спросил меня, где я живу. Ах, да... Он же присылал мне книги и, следовательно, знает мой адрес. Для человека, который умеет отслеживать мобильные телефоны и владеет собственным вертолетом, выяснить адрес не проблема.

Почему он не хочет поцеловать меня еще раз? Обидно и непонятно. Грей с непринужденной грацией выходит из машины и идет открыть мне дверь. Безупречный джентльмен, за исключением редких, драгоценных мгновений в лифтах. Я краснею, вспоминая соприкосновение наших губ, и вдруг осознаю, что не могла к нему прикоснуться.

Мне хотелось запустить пальцы в эти роскошные, непослушные волосы, но я была не в силах пошевелить рукой. Задним числом я расстраиваюсь.

— Мне понравилось в лифте, — тихо говорю я, выходя из машины. Потом, не обращая внимания на слабый судорожный вдох, направляюсь напрямик к входной двери.

Кейт и Элиот сидят за обеденным столом. Книжек за четырнадцать тысяч долларов нигде не видно. Ну и хорошо. У меня на них свои планы. По лицу Кейт блуждает странная улыбка, она выглядит так, будто еще не пришла в себя после бурной ночи.

— Привет, Ана! — Кейт вскакивает и обнимает меня, а потом отстраняет на расстояние вытянутых рук, чтобы получше разглядеть. Нахмурившись, поворачивается к Грею. — Доброе утро, Кристиан, — произносит она, и в ее тоне слышится чуть заметная враждебность.

— Мисс Кавана, — произносит он сугубо официально.

— Кристиан, ее зовут Кейт, — вмешивается Элиот.

— Кейт. — Грей вежливо кивает и сердито смотрит на Элиота, который усмехается и встает, чтобы обнять нас обоих.

— Привет, Ана. — Его голубые глаза сияют улыбкой, и он мне нравится с первого взгляда. Он совсем не похож на Кристиана... Впрочем, они ведь приемные дети.

— Привет, Элиот. — Я тоже улыбаюсь и кусаю губу.

— Элиот, нам пора, — с напором произносит Кристиан.

— Иду.

Он поворачивается к Кейт, обнимает и долго целует ее. Ну вот... нашли место. Я стою, смущенно потупившись, а Кристиан внимательно меня разглядывает. Я сердито щурюсь. Почему он не может меня поцеловать? Элиот не отрывается от Кейт, запрокинув ее в страстном поцелуе так, что она волосами касается пола.

— Пока, детка.

Кейт просто тает. Я никогда раньше не видела ее такой: на ум приходят слова «милая» и «покладистая». Покладистая Кейт! Вот это да! Элиот, должно быть, хорош. Кристиан закатывает глаза и смотрит на меня с непроницаемым выражением, хотя, похоже, ему весело. Он заправляет мне за ухо локон выбившихся из конского хвоста волос, и от его прикосновения у меня перехватывает дыхание. Я чуть заметно наклоняю голову навстречу его руке. Взгляд Кристиана теплеет, он проводит большим пальцем по моей верхней губе. Кровь вскипает у меня в жилах. И почти сразу все заканчивается — Грей убирает руку.

— Пока, детка, — тихо произносит он, и я не могу сдержать улыбки — это так на него не похоже. Понимаю ведь, что это насмешка, и все же где-то в глубине души растрогана ласковым обращением. — Я приеду за тобой в восемь.

Грей поворачивается, открывает дверь и выходит. Элиот идет следом за ним к машине, однако, прежде чем сесть, посылает Кейт воздушный поцелуй. Я чувствую укол ревности.

— Ну, у вас с ним было? — спрашивает Кейт, глядя, как они садятся в машину и отъезжают. В ее голосе явственно слышно жгучее любопытство.

— Нет, — сердито огрызаюсь я в надежде, что это положит конец расспросам. Мы возвращаемся в квартиру. — Но у тебя-то точно было? — Я не могу скрыть зависти. Кейт легко может заполучить любого мужчину. Она красивая, сексуальная, остроумная, бойкая... в отличие от меня. Но ее ответная улыбка заразительна.

— Я встречаюсь с ним сегодня вечером. — Она прижимает руки к груди и прыгает от восторга, как ребенок. Кейт не в силах скрыть своей радости и волнения, и я за нее рада. Счастливая Кейт... интересно.

— Кристиан пригласил меня к себе в Сиэтл сегодня вечером.

— Сиэтл?

— Да.

— Может, там?..

— Надеюсь.

— Так он тебе нравится?

— Да.

— Настолько нравится, что ты готова?..

— Да.

Кейт поднимает бровь.

— Ого! Ана Стил наконец-то влюбилась, и ее избранник — Кристиан Грей, красавчик и мультимиллиардер.

— Ага. Все из-за денег, — отвечаю я, и у нас обеих случается приступ хохота.

— У тебя новая блузка? — спрашивает Кейт, и мне приходится рассказать ей обо всех малопривлекательных подробностях прошлой ночи.

— Он хоть поцеловал тебя? — спрашивает она, заваривая кофе.

Я краснею.

— Один раз.

— Один раз! — смеется она.

Я смущенно киваю.

— Он очень сдержанный.

Кейт хмурится.

— Странно.

— Да не то слово! — бормочу я.

— Значит, сегодня вечером ты должна быть просто неотразима, — произносит она с нажимом.

Ну вот... похоже, процедура будет долгой, болезненной и унижительной.

— Мне пора на работу.

— Успеем.

Кейт берет меня за руку и тащит в свою комнату.

День в «Клейтонсе» тянется бесконечно, хотя покупателей много. Сейчас лето, поэтому я работаю еще два дополнительных часа после закрытия магазина — расставляю товары по полкам. Занятие чисто механическое, оно дает время подумать.

Под бдительным и, прямо скажем, бесцеремонным руководством Кейт мои ноги и подмышки идеально выбриты, брови выщипаны, и я вся чем-то намазана. Не очень-то приятно, но Кейт заверила меня, что в наше время мужчины ждут от женщин именно этого. Интересно, чего еще он от меня ждет? Мне пришлось убеждать Кейт, что я сама его хочу. Она почему-то не доверяет Грею. Возможно, из-за того, что он держится так строго и официально. Я пообещала дать знать, как только приеду в Сиэтл. Про вертолет я ей говорить не стала, она бы ударилась в панику.

Еще надо разобраться с Хосе. Он послал мне три сообщения и семь раз звонил, но я не брала трубку. Еще он два раза звонил домой и разговаривал с Кейт. Она так и не сказала ему, где я. Хосе, конечно, догадается, что она меня прикрывает. Просто так Кейт не станет скрытничать. Пусть помучается. Я все еще на него сердита.

Кристиан упоминал какие-то бумажные формальности, и я не знаю, шутил он или говорил всерьез. Гадай вот теперь. Мне трудно совладать с нервами. Сегодня ночью!.. Готова ли я? Моя внутренняя богиня сердито топает маленькими ножками. Она уже давно к этому готова, а с Кристианом Греем она готова на все, но я по-прежнему не понимаю, что он нашел во мне — серой мышке Анастейше Стил.

Грей, разумеется, пунктуален, и когда я выхожу из «Клейтонса», меня ждет черный «Ауди». Кристиан выходит, чтобы открыть пассажирскую дверь, и приветливо улыбается.

— Здравствуйте, мисс Стил, — говорит он.

— Добрый вечер, мистер Грей. — Я вежливо киваю и забираюсь на заднее сиденье. За рулем — Тейлор. — Здравствуйте, Тейлор.

— Добрый вечер, мисс Стил.

Кристиан садится с другой стороны, берет меня за руку, и его пожатие отзывается томительным чувством во всем теле.

— Как работа? — спрашивает он.

— Долго не заканчивалась, — отвечаю я хриплым от желания голосом.

— Да, у меня сегодня тоже был длинный день. — Тон совершенно серьезен.

— А что ты делал?

— Мы с Элиотом гуляли пешком.

Его большой палец легко поглаживает костяшки моих пальцев, сердце дает перебой, дыхание учащается. Как ему это удастся? Он лишь слегка прикоснулся к моей руке, а гормоны уже устраивают свистопляску.

Поездка длится недолго, и я не сразу понимаю, что мы приехали. Интересно, где тут может быть вертолет. Повсюду городская застройка, а даже я знаю, что вертолету нужно место, чтобы взлететь. Тейлор останавливается, выходит и открывает дверь с моей стороны. В мгновение ока Кристиан снова оказывается рядом и берет меня за руку.

— Готова? — спрашивает он. Я киваю и хочу добавить «на все», но от волнения не могу произнести ни слова.

— Тейлор.

Вежливым кивком он отпускает водителя. Мы входим в здание и направляемся прямо к лифтам. Лифт! Я снова вспоминаю наш утренний поцелуй. Целый день он не шел у меня из головы. Я стояла за прилавком в «Клейтонсе», а мысли мои были далеко. Миссис Клейтон пришлось дважды окликнуть меня, чтобы вернуть с небес на землю. Сказать, что сегодня я была рассеянна, — ничего не сказать. Кристиан смотрит на меня сверху вниз, и на его губах появляется легкая улыбка. Ха! Он думает о том же, что и я.

— Тут всего три этажа. — В его серых глазах мерцают искорки смеха. Он явно читает мои мысли. Кошмар.

В лифте я стараюсь ничем не выдать своих чувств. Но вот мы остаемся вдвоем, и вновь между нами возникает странная сила притяжения. Я закрываю глаза в тщетной попытке овладеть собой. Он крепче сжимает мою руку. Всего пять секунд, и мы оказываемся на крыше здания. На площадке стоит вертолет с голубой надписью «Грей энтерпрайзес» и эмблемой компании. Нецелевое использование собственности компании, так и запишем.

Грей ведет меня в небольшой кабинет, где за столом сидит какой-то пожилой дядечка.

— Ваш полетный лист, мистер Грей. Машина проверена, сэр. Можете лететь.

— Спасибо, Джо.

Кристиан приветливо улыбается.

Ого! Кто-то заслуживает его вежливости... наверное, это не сотрудник компании. Я смотрю на старика с почтительным трепетом.

— Идем, — говорит Кристиан, и мы направляемся в сторону вертолета. Вблизи он оказывается гораздо больше, чем мне показалось вначале. Я ожидала, что он размером со спортивный автомобиль на двоих, а там по меньшей мере семь кресел. Кристиан открывает дверь и указывает мне на место рядом с пилотом.

— Садись и ничего не трогай, — говорит он, залезая в вертолет следом за мной.

Дверь с шумом захлопывается. Хорошо еще, что со всех сторон площадки светят прожектора, иначе в маленькой кабине было бы ничего не видно. Я усаживаюсь на предназначенное для меня сиденье, и Кристиан наклоняется, чтобы закрепить на мне ремни. Это система с четырьмя точками крепления, застегивающаяся одной центральной пряжкой. Кристиан подтягивает верхние лямки. Он так близко, что наклонись я чуть вперед — уткнусь носом ему в волосы. От него чудесно пахнет свежестью и чистотой, но я намертво прикреплена к креслу и не могу пошевелиться. Кристиан глядит на меня и улыбается какой-то одному ему понятной шутке. Он так соблазнительно близко. Я задерживаю дыхание, пока он подтягивает верхние ремни.

— Ну, все, теперь ты не убежишь, — шепчет Кристиан, и его глаза обжигают. — Дыши, Анастейша, дыши. — Он ласково касается моей щеки, проводит длинным пальцем по подбородку и приподнимает его вверх. А потом, чуть наклонившись, запечатлевает у меня на губах краткий, целомудренный поцелуй, от которого у меня сводит все внутренности. — Мне нравятся ремни.

Что?

Кристиан садится рядом, пристегивается и начинает долгую процедуру предполетной проверки, уверенно ориентируясь в невообразимом скоплении циферблатов и индикаторов. Огоньки начинают подмигивать, и вся приборная панель озаряется светом.

— Надень наушники.

Я послушно выполняю приказание, и в это время лопасти начинают раскручиваться. Мне кажется, я вот-вот оглохну. Кристиан тоже надевает наушники, не переставая щелкать переключателями.

— Проверяю работу всех систем, — раздается в наушниках его голос.

Я улыбаюсь.

— Ты точно знаешь, что делаешь?

— Я уже четыре года как квалифицированный пилот, Анастейша. Со мной ты в безопасности. — Он хищно ухмыляется. — Ну, по крайней мере в воздухе, — добавляет он и подмигивает. Подмигивает... Кристиан!

— Готова?

Я киваю с широко раскрытыми от страха глазами.

— Хорошо. Вызываю диспетчерскую. Портленд, это Чарли Танго Гольф — Гольф-Отель, к взлету готов. Подтвердите прием.

— Чарли Танго Гольф, взлет разрешаю. Поднимитесь на тысячу четыреста, далее следуйте курсом ноль один ноль.

— Вас понял, диспетчерская. Взлетаю. Конец связи. Поехали, — добавляет Кристиан, обращаясь ко мне, и вертолет плавно поднимается в небо.

Портленд исчезает под нами, и мы устремляемся в воздушное пространство США, хотя мой желудок твердо намерен остаться в Орегоне. Вот это да! Яркие огни уменьшаются и

уменьшаются, пока не превращаются в маленьких светлячков где-то далеко внизу. Будто смотришь на мир из аквариума. Мы поднимаемся все выше, и вот уже совсем ничего не видно. Вокруг темно, хоть глаз выколи, нет даже луны, чтобы осветить наш путь. Как он понимает, куда мы летим?

— Что, страшно? — раздается у меня в ушах голос Кристиана.

— Откуда ты знаешь, что мы летим правильно?

— Вот смотри. — Он тычет длинным указательным пальцем в один из приборов. Электронный компас. — Это «Еврокоптер» ЕС 135 — одна из самых безопасных машин в своем классе. Он оснащен специальным оборудованием для полетов в ночное время.

Кристиан смотрит на меня и улыбается.

— На крыше моего дома есть вертолетная площадка. Мы летим туда.

Разумеется, он живет в доме с вертолетной площадкой. Мы с ним словно с разных планет. Свет от панели озаряет его лицо. Кристиан сосредоточен и внимательно следит за показаниями приборов. Глядя из-под опущенных ресниц, я упиваюсь его чертами. Красивый профиль. Прямой нос, массивная челюсть... Я бы хотела провести по ней языком. Он не побрился, и поэтому перспектива вдвойне соблазнительна. Чувствовать его щетину под моими пальцами, языком, на коже...

— Когда летишь ночью, ничего не видно. Приходится ориентироваться по приборам, — вторгается в мои эротические фантазии его голос.

— А как долго нам лететь? — произношу я на одном дыхании. Я вовсе не думала о сексе, нет, нет и еще раз нет.

— Меньше часа, ветер попутный.

Ого! Меньше чем за час до Сиэтла... Неплохая скорость, понятно теперь, почему мы летим.

Меньше чем через час все откроется. Бабочки так и летают у меня в животе. Интересно, что он мне готовит?

— Как ты себя чувствуешь, Анастейша?

— Нормально. — Я отвечаю коротко и отрывисто.

По-моему, он улыбается, но в темноте не видно. Кристиан снова щелкает тумблером.

— Портленд, это Чарли Танго, иду на тысяче четыреста, прием. — Он обменивается информацией с диспетчерской. Прямо как настоящий пилот. Мне кажется, мы покидаем зону контроля Портленда и входим в воздушное пространство Сиэтла. — Вас понял, конец связи.

— Смотри. — Кристиан указывает на маленький огонек далеко впереди. — Это Сиэтл.

— Ты всегда так производишь впечатление на женщин? Берешь их полетать с собой на вертолете? — Мне действительно интересно.

— Я никогда не брал с собой девушек, Анастейша. Это тоже в первый раз. — Его голос тих и серьезен.

Ох! Как неожиданно. Тоже в первый раз? А что еще? Спать вместе?

— А я произвел на тебя впечатление?

— Я просто трепещу, Кристиан.

Он улыбается.

— Трепещешь?

Я киваю.

— Ты такой... профессионал.

— Спасибо, мисс Стил, — отвечает Кристиан вежливо. Мне кажется, он польщен, но я не уверена.

Какое-то время мы летим молча. Яркая точка Сиэтла становится все больше.

— Сиэтл-Такома вызывает Чарли Танго Гольф. Следуйте установленным курсом к Эскала. Подтвердите. Прием.

— Говорит Чарли Танго. Вас понял, Сиэтл-Такома. Конец связи.

— Тебе это явно нравится, — замечаю я.

— Что именно? — В полусвете циферблатов я замечаю его вопросительный взгляд.

— Летать.

— Управление вертолетом требует самообладания и сосредоточенности. Конечно, мне это нравится. Хотя я больше люблю планеры.

— Планеры?

— Да. Планеры и вертолеты — я летаю на том и на другом.

— Ого.

Дорогие увлечения. Я помню, он говорил мне это на интервью. А я люблю читать и изредка хожу в кино. В авиации я не разбираюсь.

— Чарли Танго, можете заходить, конец связи, — прерывает мои мысли бесплотный голос диспетчера. Кристиан отвечает уверенно и спокойно.

Сиэтл приближается. Мы уже на окраине города. Зрелище совершенно потрясающе. Сиэтл ночью, с высоты...

— Впечатляет, правда? — произносит Кристиан.

Я одобрительно киваю. Город кажется нереальным... Я вижу его словно на большом экране, как в любимом фильме Хосе «Бегущий по лезвию». Я вспоминаю Хосе и его неудачную попытку поцеловать меня. Наверное, это чересчур жестоко, все же надо было ему позвонить. Ладно... Подождет до завтра.

— Через пару минут мы будем на месте, — небрежно роняет Кристиан, и внезапно кровь начинает стучать у меня в висках, сердце ускоряется, и адреналин течет по жилам. Он разговаривает с диспетчером, но я уже не вслушиваюсь. О господи... Я вот-вот потеряю сознание. Моя судьба в его руках.

Впереди показался небоскреб с вертолетной площадкой на крыше. На ней белыми буквами написано слово «Эскала». Она все ближе и ближе, больше и больше... как и мое волнение. Надеюсь, я не обману его ожидания. Он решит, что я его недостойна. Надо было слушаться Кейт и взять у нее какое-нибудь из ее платьев, но мне нравятся мои черные джинсы. Сверху на мне мятого цвета блузка и черный пиджак из гардероба Кейт. Вид вполне приличный. «Я справлюсь. Я справлюсь», — повторяю я как мантру, вцепившись в край сиденья.

Вертолет зависает, и Кристиан сажает его на площадку на крыше. Мое сердце выпрыгивает из груди. Я сама не понимаю, что со мной: нервное ожидание, облегчение от того, что мы добрались целыми и невредимыми, или боязнь неудачи. Он выключает мотор: лопасти постепенно замедляются, шум стихает, и вот уже не слышно ничего, кроме моего прерывистого дыхания. Кристиан снимает наушники с себя и с меня.

— Все, приехали, — говорит он негромко.

Половина его лица освещена ярким светом прожектора, другая половина — в глубокой тени. Темный рыцарь и белый рыцарь — подходящая метафора для Кристиана. Я чувствую, что он напряжен. Его челюсти сведены, глаза прикрыты. Он отстегивает сначала свои ремни,

потом мои. Его лицо совсем рядом.

— Ты не должна делать того, что тебе не хочется. Ты понимаешь? — Кристиан говорит серьезно, даже отчаянно, серые глаза не выдают никаких чувств.

— Я никогда не стану делать что-то против своей воли. — Я не совсем уверена в правдивости своих слов, потому что ради мужчины, который сейчас сидит рядом со мной, я готова на все. Но это сработало. Он поверил.

Окинув меня внимательным взглядом, Кристиан, грациозно, несмотря на свой высокий рост, подходит к двери, распахивает ее и, спрыгнув на землю, протягивает руку, чтобы я могла спуститься на площадку. Снаружи очень ветрено, и мне не по себе при мысли, что я стою на высоте тридцатого этажа и вокруг нет никакого барьера. Мой спутник обнимает меня за талию и крепко прижимает к себе.

— Идем, — командует Кристиан, перекрикивая шум ветра. Мы подходим к лифту, он набирает на панели код, и дверь открывается. Внутри тепло, стены сделаны из зеркального стекла. Всюду, куда ни посмотри, бесконечные отражения Кристиана, и самое приятное, что в зеркалах он бесконечно обнимает меня. Кристиан нажимает другую кнопку, двери закрываются, и лифт идет вниз.

Через пару секунд мы попадаем в абсолютно белое фойе, посередине которого стоит большой круглый стол черного дерева, а на нем — ваза с огромными белыми цветами. Все стены увешаны картинами. Кристиан открывает двойные двери, и белая тема продолжается по всей длине коридора до великолепной двухсветной залы. Гостиная. Огромная — это еще мягко сказано. Дальняя стена стеклянная и выходит на балкон.

Справа — диван в форме подковы, на котором легко разместятся десять человек. Перед ним современный камин из нержавеющей стали — а может, и платиновый, кто его знает. Огонь уже зажжен и ярко пылает. Справа, рядом с входом, — кухонная зона. Она вся белая, за исключением столешниц темного дерева и барной стойки человек на шесть.

Рядом с кухней, перед стеклянной стеной, — обеденный стол, вокруг которого расставлено шестнадцать стульев. А в углу комнаты сияющий черный рояль. Понятно... он еще на фортепиано играет. По стенам развешены картины всевозможных форм и размеров. Вообще-то квартира больше похожа на галерею, чем на дом.

— Снимешь пиджак? — спрашивает Кристиан.

Я мотаю головой. Мне все еще холодно после ветра на крыше.

— Пить будешь?

Я бросаю на него взгляд из-под опущенных ресниц. После той ночи? Он шутит? Мне приходит в голову мысль попросить маргариту — но не хватает наглости.

— Я буду белое вино. Выпьешь со мной?

— Да, пожалуйста.

— Пюйи-фюме тебя устроит?

— Я плохо разбираюсь в винах, Кристиан, выбирай на свое усмотрение. — Я говорю тихо и неуверенно. Сердце колотится. Мне хочется сбежать. Это настоящее богатство. В духе Билла Гейтса. Что я здесь делаю? «А то ты не знаешь!» — фыркает мое подсознание. Конечно, знаю: я хочу оказаться в постели Кристиана Грея.

— Держи. — Он протягивает мне бокал с вином. Даже хрустальные бокалы говорят о богатстве — тяжелые, современного дизайна.

Я делаю глоток: вино легкое, свежее и изысканное.

— Ты молчишь и даже краснеть перестала. В самом деле, Анастейша, я никогда раньше

не видел тебя такой бледной, — тихо говорит Кристиан. — Есть хочешь?

Я качаю головой. Хочу, но не есть.

— У тебя очень большая квартира.

— Большая?

— Большая.

— Да, большая, — соглашается он, и его глаза лучатся.

— Ты играешь? — Я указываю подбородком на рояль.

— Да.

— Хорошо?

— Да.

— Ну конечно. А есть на свете что-то такое, чего ты не умеешь?

— Да... но немного. — Кристиан отпивает вино из бокала, не сводя с меня глаз. Я чувствую на себе его взгляд, когда осматриваю комнату. Впрочем, комнатой это не назовешь. Не комната, а жизненное кредо.

— Присядешь?

Я киваю; он берет меня за руки и отводит к белой кушетке. Внезапно мне приходит в голову, что я чувствую себя, словно Тесс Дарбифилд, когда она смотрит на новый дом мерзавца Алека д'Эрбервилля. Эта мысль заставляет меня улыбнуться.

— Что смешного? — Кристиан садится рядом, опирается локтем на подушку и поворачивается ко мне лицом.

— Почему ты выбрал для меня именно «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»? — спрашиваю я.

Он, похоже, удивлен вопросом.

— Ты говорила, что тебе нравится Томас Гарди.

— И это все? — Я не могу скрыть своего разочарования.

Кристиан поджимает губы.

— Мне показалось, что он подходит к случаю. Я могу боготворить тебя издалека, как Энжел Клэр, или совершенно унижить, как Алек д'Эрбервилль. — Серые глаза блестят опасно и недобро.

— Если у меня только две возможности, то я предпочту унижение, — шепчу я. Мое подсознание смотрит на меня в ужасе.

Кристиан судорожно вздыхает.

— Анастейша, прекрати кусать губу, пожалуйста. Это ужасно отвлекает. Ты не понимаешь, что говоришь.

— Поэтому-то я здесь.

— Согласен. Подожди минутку, хорошо? — Он скрывается в широком дверном проеме в дальнем конце комнаты и через пару минут возвращается, держа в руках какой-то документ. — Договор о неразглашении. — Кристиан пожимает плечами и, протягивая мне бумаги, тактично притворяется слегка смущенным. — На этом настаивает мой адвокат. — Я совершенно сбита с толку. — Если ты выбираешь второй вариант — унижение, то должна поставить подпись.

— А если я не захочу ничего подписывать?

— Тогда вариант Энжела Клера.

— И что означает этот договор?

— Что ты обязуешься никому о нас не рассказывать. Ни о чем, никому.

Я смотрю на него недоверчиво. Похоже, дело совсем плохо. Но меня уже разбирает

любопытство.

— Хорошо, я подпишу.

Кристиан протягивает мне ручку.

— Ты даже не хочешь прочесть?

— Нет.

Он хмурится.

— Анастейша, ничего нельзя подписывать, не читая!

— Кристиан, пойми, я и так не собираюсь рассказывать о нас никому. Даже Кейт. Но если это так важно для тебя, для твоего адвоката... которому ты, по-видимому, все рассказываешь, то ладно, я подпишу.

Он смотрит на меня сверху вниз и мрачно кивает.

— Справедливо, мисс Стил, ничего не скажешь.

Я размашисто подписываю обе копии и передаю одну ему. Сложив вторую, кладу ее в сумочку и делаю большой глоток вина. Я кажусь гораздо храбрее, чем есть на самом деле.

— Значит, сегодня вечером ты займешься со мной любовью, Кристиан?

Черт возьми! Неужели я это сказала? В первый момент у него от изумления открывается рот, но он быстро приходит в себя.

— Нет, Анастейша, не значит. Во-первых, я не занимаюсь любовью. Я трахаюсь... жестко. Во-вторых, мы еще не покончили с бумагами, и, в-третьих, ты не знаешь, что тебя ждет. У тебя есть возможность передумать. Идем, я покажу тебе комнату для игр.

Я потрясена. Трахаюсь! Черт возьми, это заводит. Но зачем нам смотреть комнату для игр? Загадка.

— Ты хочешь показать мне свою игровую приставку?

Кристиан громко смеется.

— Нет, Анастейша, не угадала. Идем. — Он встает и протягивает мне руку. Я иду с ним обратно по коридору. Слева от двойных дверей, через которые мы вошли, — другая дверь, ведущая на лестницу. Мы поднимаемся на второй этаж и поворачиваем направо. Достав из кармана ключ, Кристиан отпирает еще одну дверь и делает глубокий вдох.

— Ты можешь уйти в любой момент. Вертолет стоит наготове и отвезет тебя, куда ты пожелаешь. Можешь остаться на ночь и уйти утром. Решать тебе.

— Открой же эту чертову дверь, Кристиан.

Он распахивает дверь и отступает, чтобы пропустить меня внутрь. Я глубоко вздыхаю и делаю шаг вперед...

Я словно перенеслась во времени в шестнадцатый век, в эпоху испанской Инквизиции.

Ни фиги себе!

Первое, что я замечаю, — это запах. Пахнет кожей и полиролью со слабым цитрусовым ароматом. Свет мягкий, приглушенный. Источника не видно, рассеянное сияние исходит откуда-то из-под потолочного карниза. Выкрашенные в темно-бордовый цвет стены и потолок зрительно уменьшают достаточно просторную комнату, пол сделан из старого дерева, покрытого лаком. Прямо напротив двери к стене крест-накрест прибиты две широкие планки из полированного красного дерева с ремнями для фиксации. Под потолком подвешена большая железная решетка, площадью не меньше восьми квадратных футов, с нее свисают веревки, цепи и блестящие наручники. Рядом с дверью из стены торчат два длинных резных шеста, похожие на балясины лестницы, только длиннее. На них болтается удивительное множество всяких лопаток, кнутов, стеков и каких-то странных орудий из перьев.

С другой стороны стоит огромный комод красного дерева: ящики узкие, как в старых музейных шкафах. Интересно, что в них может быть? Но действительно ли я хочу это знать? В дальнем углу — скамья, обтянутая темно-красной кожей, и рядом с ней прибитая к стене деревянная стойка, похожая на подставку для бильярдных киев; если присмотреться, на ней стоят трости различной длины и толщины. В противоположном углу — стол из полированного дерева с резными ножками и две такие же табуретки.

Однако большую часть комнаты занимает кровать. Она крупнее обычной двуспальной, с четырьмя резными колоннами в стиле рококо по углам и плоской крышей балдахина. Похоже на девятнадцатый век. Под пологом видны еще какие-то блестящие цепи и наручники. На кровати нет постельных принадлежностей — только матрас, обтянутый красной кожей, и красные шелковые подушки, сваленные грудой на одном конце.

У изножья кровати, на расстоянии нескольких футов, большой темно-бордовый диван, просто поставленный посередине комнаты, лицом к кровати. Как странно... Ставить диван лицом к кровати. И тут мне приходит в голову, что на самом деле диван — самая заурядная вещь из всей мебели в комнате, и я улыбаюсь этой мысли. Подняв голову, я вижу, что к потолку в случайном порядке прикреплены карабины. Остается только гадать, зачем они нужны. Как ни странно, все это резное дерево, темные стены, приглушенный свет и темно-бордовая кожа придают комнате спокойный и романтический вид... Наверное, это и есть романтика по версии Кристиана Грея.

Как я и ожидала, он внимательно следит за мной, но по его виду ничего нельзя понять. Я обхожу комнату, и он идет следом за мной. Меня заинтересовала эта штука с перьями, и я нерешительно прикасаюсь к ней рукой. Она сделана из мягкой кожи и похожа на плетку-девятихвостку, только толще. На конце каждого хвоста прикреплена маленькая пластмассовая бусинка.

— Это называется флоггер, — тихо звучит голос Кристиана.

Флоггер... гм-м. По-моему, я в шоке. Мое подсознание в ужасе сбежало, или валяется в нокауте, или перевернулось кверху килем и затонуло. Я оцепенела. Я могу видеть и воспринимать, но не в силах высказать, что чувствую. Да и что можно сказать в ситуации, когда обнаруживаешь, что потенциальный любовник — абсолютно чокнутый садист или мазохист? Страшно... да. Это самое сильное чувство. Однако, как ни странно, я боюсь не его, думаю, он меня и пальцем не тронет без моего согласия. В голове крутится множество

вопросов. Почему? Как? Когда? Как часто? Проходя мимо кровати, я провожу пальцем по искусной деревянной резьбе одной из колонн. Это просто произведение искусства.

— Скажи что-нибудь, — приказывает Кристиан обманчиво спокойно.

— Ты делаешь это с людьми или они делают это с тобой?

Его рот кривится, то ли от смеха, то ли от облегчения.

— С людьми? — Он медлит пару секунд, обдумывая ответ. — Я делаю это с женщинами, которые сами того хотят.

Как-то непонятно.

— Если у тебя есть добровольцы, зачем ты привел сюда меня?

— Я очень хочу делать это с тобой.

— Ой. — Я ловлю ртом воздух. Почему?

Я бреду в дальний конец комнаты и задумчиво провожу рукой по высокой, достающей мне до талии кожаной скамье. Ему нравится мучить женщин. От этой мысли мне становится тошно.

— Ты садист?

— Я — Доминант. — Его взгляд прожигает меня насквозь.

— Что это значит? — спрашиваю я тихо.

— Это значит, что ты добровольно признаешь мою власть над собой. Во всем.

Я стараюсь осмыслить услышанное.

— Почему я должна это делать?

— Чтобы доставить мне удовольствие, — шепчет он, наклоняя голову набок, и я вижу тень улыбки.

Доставить ему удовольствие! Ишь чего захотел! У меня отваливается челюсть. Доставить удовольствие Кристиану Грею. И вдруг я понимаю, что именно этого и хочу. Я хочу, чтобы он, черт возьми, был от меня в восторге. Какое открытие!

— Иными словами, я хочу, чтобы ты хотела доставить мне удовольствие, — говорит он мягко. Его голос действует на меня гипнотически.

— Каким образом? — Во рту пересохло. Хорошо, про «удовольствие» я понимаю, но какое это имеет отношение к пыточной комнате времен королевы Елизаветы? И надо ли мне знать ответ?

— У меня есть правила, и я хочу, чтобы ты их выполняла — для твоей пользы и для моего удовольствия. Если я буду тобой доволен, ты получишь награду. А если нет — накажу тебя, и ты запомнишь, — шепчет он.

Я оглядываюсь на подставку для тростей.

— А это что? — Я обвожу рукой вокруг себя.

— Стимулирующие средства. Награда и наказание.

— Значит, тебе приятно навязывать мне свою волю?

— Ты должна доверять мне и подчиняться добровольно. Чем ты послушнее, тем больше удовольствия я получаю — все очень просто.

— Хорошо, а что с этого буду иметь я?

Он пожимает плечами с почти виноватым видом.

— Меня.

О господи. Кристиан проводит рукой по волосам.

— По твоей реакции ничего не поймешь, Анастейша, — произносит он сердито. — Давай пойдем вниз, чтобы я собрался с мыслями. Здесь я не могу смотреть на тебя спокойно.

Он протягивает мне руку, но теперь я не решаюсь ее взять.

Кейт сказала, что он опасен, и была совершенно права. Как она догадалась? Он опасен для моей жизни, потому что я собираюсь сказать «да». Но часть меня этого не хочет. Часть меня хочет с криком бежать от этой комнаты и того, что она представляет. Я в полной растерянности.

— Я не причиню тебе вреда, Анастейша. — Его серые глаза умоляют, и я понимаю, что Кристиан говорит правду. Я протягиваю руку, и он ведет меня из комнаты.

— Давай я покажу тебе кое-что еще. — Вместо того чтобы вернуться вниз, Кристиан, выйдя из игровой комнаты, как он ее называет, поворачивает направо и идет по коридору. Мы проходим несколько дверей и наконец достигаем последней. За ней оказывается спальня с большой двуспальной кроватью посередине, где нет ни одного цветового пятна. Все: стены, мебель, постель — абсолютно белое. Обстановка холодная и стерильная, но за стеклянной стеной открывается потрясающая панорама Сиэтла.

— Твоя комната. Ты можешь украсить ее по своему вкусу.

— Моя комната? Ты хочешь, чтобы я сюда переселилась? — Я не могу скрыть ужаса.

— Не на все время. Скажем, с вечера пятницы до воскресенья. Мы можем это обсудить. Если ты захочешь, конечно, — добавляет он неуверенно.

— Я буду спать здесь?

— Да.

— Одна?

— Да. Я же говорил тебе, что всегда сплю один. Ну, если не считать того случая, когда ты напилась до бесчувствия. — Похоже, он мне выговаривает.

Я поджимаю губы. Просто не укладывается в голове: добрый, заботливый Кристиан, который спас меня, совершенно беспомощную, и мягко поддерживал, когда меня рвало в азалии, оказался чудовищем, любителем цепей и хлыстов.

— А ты где спишь?

— Моя комната внизу. Пойдем, ты, наверное, проголодалась.

— Что-то у меня аппетит пропал, — отвечаю я раздраженно.

— Ты должна поесть, Анастейша, — втолковывает он мне и, взяв за руку, ведет прочь.

Снова оказавшись в огромной зале, я изнываю от тревоги и тоски, словно стою на краю обрыва, и мне надо решить: прыгнуть вниз или нет.

— Я понимаю, что подталкиваю тебя на темный путь, Анастейша. Хорошенько подумай. Может, ты хочешь что-то спросить? — говорит он и, отпустив мою руку, уходит на кухню.

Хочу. Но с чего начать?

— Ты подписала договор о неразглашении, поэтому спрашивай все что угодно, я отвечу.

Я стою у бара и смотрю, как Кристиан достает из холодильника тарелки с разными сырами и две крупных грозди зеленого и красного винограда. Он ставит тарелки на стол и принимается резать французский багет.

— Сядь.

Он указывает на одну из барных табуреток, и я подчиняюсь его команде. Если я соглашусь, придется к этому привыкать. И вдруг я понимаю, что Кристиан вел себя так с первой минуты нашего знакомства.

— Ты говорил о каких-то бумагах?

— Да.

— Что за бумаги?

— Кроме договора о неразглашении, существует контракт, в котором говорится, что мы будем делать, а что нет. Я должен знать твои пределы допустимого, а ты — мои. Все будет по взаимному согласию.

— А если я не соглашусь?

— Ну, что поделаться, — говорит он осторожно.

— Но у нас не будет отношений? — спрашиваю я.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это единственные отношения, которые меня интересуют.

— Почему?

Он пожимает плечами.

— Так я устроен.

— А почему ты стал таким?

— Почему люди такие, а не иные? На это трудно ответить. Почему кто-то любит сыр, а кто-то нет? Ты любишь сыр? Миссис Джонс, моя домработница, оставила на ужин...

Кристиан достает из буфета большие белые тарелки и ставит одну передо мной.

Мы говорим о сыре... Бред.

— И какие правила я должна выполнять?

— Они у меня записаны. Обсудим, когда поедем.

Еда. Я не смогу проглотить не кусочка.

— Я в самом деле не голодная.

— Все равно поешь, — говорит Кристиан. Теперь понятно, откуда у него эта диктаторская манера. — Налить тебе еще вина?

— Да, пожалуйста.

Он наполняет мой бокал и садится рядом со мной. Я торопливо отпиваю глоток.

— А закуску?

Я беру маленькую кисточку винограда.

— И давно это у тебя?

— Да.

— А легко ли найти женщин, которые согласны?..

Кристиан кривит бровь.

— Ты не поверишь, — отвечает он сухо.

— Тогда почему я? Я правда не понимаю.

— Анастейша, повторяю, в тебе что-то есть. Я не могу просто оставить тебя в покое. —

Он иронически улыбается. — Я лечу к тебе, как мотылек на пламя. — Его голос мрачнеет. — Я очень хочу тебя, особенно сейчас, когда ты снова кусаешь губу. — Кристиан глубоко вздыхает и сглатывает.

У меня внутри что-то переворачивается — он хочет меня... несколько странно, правда, но все равно: этот красивый, необыкновенный, безнравственный мужчина хочет меня.

— По-моему, все наоборот, — ворчу я. Это я мотылек, а он — пламя. И это я обожгусь.

— Ешь!

— Нет. Я еще пока ничего не подписывала и буду делать что хочу, если ты не возражаешь.

Его глаза смягчаются, на губах появляется улыбка.

— Как угодно, мисс Стил.

— И сколько было этих женщин? — Я ляпнула, не подумав, но мне очень интересно.

— Пятнадцать.

О... не так много, как я ожидала.

— И долго это тянулось?

— С некоторыми — долго.

— Кто-нибудь серьезно пострадал?

— Да.

Ох, ну ни фиги себе!

— Сильно?

— Нет.

— Ты будешь делать мне больно?

— Что ты имеешь в виду?

— Физически. Ты будешь меня бить?

— Я буду наказывать тебя, когда потребуется, и это болезненно.

Я чувствую, что вот-вот упаду в обморок. Делаю еще плоток вина в надежде, что алкоголь прибавит мне храбрости.

— А тебя когда-нибудь били?

— Да.

Ого... Прежде чем я успеваю расспросить его поподробнее, он прерывает ход моих мыслей.

— Пойдем в кабинет. Я тебе кое-что покажу.

Я-то думала, что меня ждет ночь неземной страсти, а вместо этого мы обсуждаем какие-то соглашения.

Я иду за ним в кабинет — просторную комнату с еще одним окном от пола до потолка. Кристиан садится за стол, указывает мне на кожаное кресло перед собой и протягивает листок бумаги.

— Это правила. Их можно менять. Они входят в контракт, который мы заключим. Прочти их, и давай обсудим.

ПРАВИЛА

Повиновение:

Сабмиссив незамедлительно и безоговорочно подчиняется всем приказам Доминанта. Сабмиссив соглашается на любые действия сексуального характера, приемлемые Доминантом и доставляющие ему удовольствие, кроме тех, что обозначены как недопустимые (Приложение 2), и с воодушевлением в них участвует.

Сон:

Сабмиссив должен спать минимум восемь часов в сутки, когда не проводит время с Доминантом.

Еда:

В целях сохранения здоровья и хорошего самочувствия Сабмиссив должен питаться регулярно и согласно перечню рекомендованных продуктов (Приложение 4). Запрещается перекусывать между приемами пищи чем-либо, кроме фруктов.

Одежда:

Во время срока действия настоящего Контракта Сабмиссив обязуется носить только ту одежду, что одобрена Доминантом. Доминант предоставляет Сабмиссиву определенную сумму денег, которую она обязуется потратить на одежду. Доминант вправе присутствовать при покупке одежды. В период действия Контракта Сабмиссив соглашается носить украшения и аксессуары, выбранные Доминантом, в любое указанное им время.

Физические упражнения:

Четыре раза в неделю Доминант предоставляет Сабмиссиву персонального тренера для часовых тренировок, время которых тренер и Сабмиссив определяют по взаимному согласию. Тренер отчитывается перед Доминантом об успехах Сабмиссива.

Личная гигиена/Красота:

Сабмиссив обязуется всегда содержать тело в чистоте и регулярно проводить эпиляцию бритвой и/или воском. Сабмиссив посещает салон красоты по выбору Доминанта в назначенное им время и проходит процедуры, которые он сочтет необходимыми. Все расходы несет Доминант.

Личная безопасность:

Сабмиссив обязуется не злоупотреблять спиртными напитками, не курить, не принимать наркотики и не подвергать себя неоправданному риску.

Личные качества:

Сабмиссив обязуется не вступать в сексуальные отношения ни с кем, кроме Доминанта. Сабмиссив ведет себя скромно и уважительно, сознавая, что ее поведение оказывает непосредственное влияние на Доминанта. Сабмиссив несет ответственность за свои проступки, злоупотребления и нарушения дисциплины, совершенные в отсутствие Доминанта.

За нарушением любого из этих правил следует наказание, характер которого определяется Доминантом.

Ну ни фига себе.

— «Недопустимые действия»? — спрашиваю.

— Да. Что ты не будешь делать, что я не буду делать, нам надо заранее договориться.

— Брать деньги за одежду... как-то неправильно. — Я не могу избавиться от слова «проститутка», которое вертится у меня в голове.

— Я хочу тратить на тебя деньги, давай я буду покупать тебе кое-какие вещи. Мне может потребоваться, чтобы ты сопровождала меня на кое-какие мероприятия, и надо, чтобы ты была хорошо одета. Твоя зарплата, когда ты найдешь работу, не позволит тебе покупать ту одежду, в которой я хочу тебя видеть.

— Но я должна буду носить ее, только когда я с тобой?

— Да, только со мной.

— Хорошо.

Буду считать, что это форма.

— Зачем заниматься спортом четыре раза в неделю?

— Анастейша, я хочу, чтобы ты была гибкой, сильной и выносливой. Поверь, тебе надо тренироваться.

— Но не четыре же раза в неделю? Может, хотя бы три?

— Четыре.

— Я думала, мы договариваемся.

Он поджимает губы.

— Ладно, мисс Стил. Еще одно справедливое замечание. Три раза в неделю по часу и один раз — полчаса?

— Три дня, три часа. Очевидно, когда я буду у тебя, физическая нагрузка мне обеспечена.

Он злорадно улыбается, и, по-моему, в его глазах я читаю облегчение.

— Да, правда. Ладно, договорились. Ты точно не хочешь пойти на практику в мою компанию? Ты хороший переговорщик.

— Нет. Мне кажется, это плохая мысль. — Я просматриваю правила. Эпиляция воском? Где? Всего тела? Бр-р!

— Теперь — какие действия недопустимы. Это для меня. — Он протягивает мне еще один листок.

Недопустимые действия:

Действия, включающие игру с огнем.

Действия, включающие мочеиспускание или дефекацию.

Действия с использованием иглолок, ножей, включающие порезы, проколы, а также кровь.

Действия с использованием гинекологических медицинских инструментов.

Действия с участием детей или животных.

Действия, которые могут оставить на коже неизгладимые следы.

Игры с дыханием.

Действия, подразумевающие контакт тела с электрическим током (как прямым, так и переменным) или огнем.

Фу! Он не решился произнести такое вслух. Конечно, это разумно и, честно говоря, необходимо... Ведь в здравом уме никто на такое не пойдет. Но меня начинает подташнивать.

— Ты хочешь что-нибудь добавить? — спрашивает Кристиан мягко.

Черт! Даже не знаю. Я совершенно растеряна.

— Есть что-то, чего бы ты делать не хотела?

— Не знаю.

— Что значит «не знаю»?

Я ерзаю от смущения и кусаю губу.

— Я никогда ничего такого не делала.

— Ну, когда ты занималась сексом, было ли что-то такое, что тебе не нравилось?

Впервые за долгое время я краснею.

— Говори прямо, Анастейша. Мы должны быть честными друг с другом, иначе ничего не получится.

Я молча смотрю на свои сплетенные пальцы.

— Скажи мне! — командует он.

— Ну... Я никогда не занималась сексом, поэтому я не знаю. — Мой голос звучит тихо-тихо.

Кристиан в ужасе смотрит на меня, раскрыв рот.

— Никогда? — шепчет он.

Я качаю головой.

— Ты... девственница? — с трудом произносит он.

Я киваю и снова краснею. Кристиан закрывает глаза и, как мне кажется, считает до десяти. Когда он снова их открывает, его взгляд мечет громы и молнии.

— Какого черта ты не сказала мне раньше?!

Глава 8

Кристиан запускает в волосы обе руки и меряет шагами кабинет — он взбешен, а не просто рассержен. Его обычное стальное самообладание, похоже, дало трещину.

— Я не понимаю, почему ты мне не сказала, — выговаривает он мне.

— Да как-то речи об этом не заходило. А у меня нет привычки рассказывать всем и каждому подробности своей личной жизни. Мы ведь почти незнакомы. — Я разглядываю свои руки. Почему я чувствую себя виноватой? Почему он так взбесился? Я кидаю на него осторожный взгляд.

— Ну, теперь тебе известно обо мне гораздо больше, — огрызается он, и его губы сжимаются в тонкую линию. — Я знал, что ты неопытна, но девственница!.. — Он произносит это как ругательство. — Черт, Ана, и я тебе все показывал... — Он испускает стон. — Господи, прости меня. А ты когда-нибудь целовалась, если не считать того раза со мной?

— Конечно, целовалась. — Я стараюсь казаться оскорбленной. Ну... пару раз.

— И милый молодой человек не вскружил тебе голову? Не понимаю! Тебе двадцать один год. Почти двадцать два. Ты красавица. — Он опять ерошит волосы.

«Красавица». Я вспыхиваю от удовольствия. Кристиан Грей считает меня красивой. Снова утыкаюсь взглядом в сплетенные пальцы рук, чтобы скрыть глупую ухмылку. Наверное, у него близорукость, — поднимает сомнамбулическую голову мое подсознание. Где оно было, когда я так в нем нуждалась?

— И ты на полном серьезе обсуждаешь, что я собираюсь делать, когда у тебя совершенно нет опыта? — Он хмурится. — Ты не хотела секса? Объясни мне, пожалуйста.

Я пожимаю плечами.

— Ну, не знаю, как-то ни с кем до этого не доходило. — Только с тобой. А ты оказался чудовищем. — Почему ты сердишься на меня? — почти шепотом спрашиваю я.

— Я сержусь не на тебя, я сержусь на себя. Я-то думал... — Кристиан вздыхает. Он пронизательно смотрит на меня, затем качает головой. — Ты хочешь уйти?

— Нет, если ты не хочешь, чтобы я ушла, — отвечаю я. О нет... Я не хочу уходить...

— Конечно, нет. Мне приятно, что ты со мной. — Он хмурится и смотрит на часы. — Уже поздно... Ты снова кусаешь губу, — говорит Кристиан хрипло и смотрит на меня оценивающе.

— Прости.

— Не извиняйся. Просто я тоже хочу укунить ее. Сильно.

Я ловлю ртом воздух... Зачем он говорит такое, если не хочет, чтобы я заводилась?

— Иди ко мне, — произносит он.

— Что?

— Мы исправим ситуацию, прямо сейчас.

— В каком смысле? Какую ситуацию?

— Твою. Ана, я хочу заняться с тобой любовью.

— О!

Пол уходит у меня из-под ног. Я замираю.

— Если ты не против, конечно. Не хочу искушать судьбу.

— Ты же не занимаешься любовью? Ты ведь только трахаешься. Жестко.

Во рту вдруг пересохло. Я судорожно пытаюсь сглотнуть.

Он хитро ухмыляется, и у меня внутри все сладко замирает.

— Я могу сделать исключение — или сочетать то и другое, посмотрим. Я действительно хочу заняться с тобой любовью. Здесь, в моей постели. Пожалуйста. Надеюсь, потом мы заключим договор, но сейчас тебе надо хотя бы понимать, на что ты соглашаешься. Мы начнем твоё обучение сегодня — с основ. Это не значит, что у нас сразу начнутся сюси-пусси, секс — лишь средство достижения цели, однако я этого хочу, и ты, надеюсь, тоже. — Его серые глаза смотрят на меня в упор.

Я краснею... о боже... мечты сбываются.

— Но я не делала ничего, из того, что там требуешь в своих правилах. — Мой голос звучит тихо, неуверенно.

— Забудь о правилах. Забудь обо всех этих деталях. Я хочу тебя. Я хочу тебя с того самого момента, как ты свалилась ко мне в офис, и я чувствую, что ты хочешь меня. В противном случае ты бы не сидела здесь и не обсуждала наказания и недопустимые действия. Пожалуйста, Ана, будь со мной этой ночью.

Кристиан протягивает мне руки, серые глаза пылают, и я вкладываю свои ладони в его. Он привлекает меня к себе, и я всем телом чувствую его прикосновение: все происходит слишком быстро. Проведя пальцами по моему затылку, он обматывает мой конский хвост вокруг своего запястья и мягко тянет вниз: я поднимаю лицо ему навстречу, и он смотрит на меня сверху вниз.

— Ты смелая девушка, — шепчет он. — Я тобою восхищаюсь.

Его слова, как зажигательный снаряд: я вся пылаю. Он наклоняется и нежно целует меня в губы, а потом принимается осторожно посасывать мою нижнюю губу.

— Я хочу укусить эту губу, — бормочет он и осторожно сжимает ее зубами. Я издаю протяжный стон и вижу улыбку Кристиана.

— Займемся любовью? — спрашивает он.

— Да, — шепчу я, потому что для этого я и пришла.

Его лицо озаряется улыбкой, он отпускает меня и, взяв за руку, ведет через всю квартиру.

Спальня огромна. Из доходящих до самого потолка окон открывается вид на ночные огни Сиэтла. Стены выкрашены белой краской, а мебель — светло-голубая. Огромная, ультрасовременная кровать из серого, как топляк, дерева, с четырьмя столбиками, но без балдахина. На стене потрясающей красоты морской пейзаж.

Я дрожу как лист. Наступил решающий момент. Сейчас это будет у меня в первый раз, и не с кем-нибудь, а с Кристианом Греем. Я часто дышу и не могу отвести от него глаз. Он снимает часы и кладет их на комод. Потом пиджак. Теперь на нем льняная белая рубашка и джинсы. Он красив так, что сердце останавливается. Темно-медные волосы спутаны, рубашка свободно свисает, серые глаза смотрят смело и пылко. Он скидывает «конверсы», потом по одному стягивает носки. Кристиан Грей босиком... ох... в этом есть что-то такое... Обернувшись, он вопросительно смотрит на меня.

— Ты ведь не пьешь противозачаточные?

«Что? Черт».

— Так я и думал.

Кристиан открывает верхний ящик комода и достает упаковку презервативов.

— Ты готова? Хочешь, опустим жалюзи?

— Мне все равно, — шепчу я. — Ты же ни с кем не спишь в одной постели?

— А кто сказал, что мы собираемся спать? — шепчет он.

— А-а.

«Ах, вот как».

Он медленно идет ко мне. Уверенный, сексуальный, глаза сверкают, и мое сердце начинает колотиться. Кровь стучит в висках. Желание, густое и горячее, разливается по животу. Кристиан стоит передо мной, глядя мне прямо в глаза. Невероятно красивый.

— Давай снимем твой пиджачок, ладно? — говорит он и, взявшись за отвороты, мягко стаскивает с меня жакет и кладет его на стул. — Знаешь ли ты, как сильно я тебя хочу, Ана Стил?

У меня перехватывает дыхание. Я не в силах отвести от него глаз. Он нежно проводит пальцами по моей щеке, вниз к подбородку.

— А знаешь ли ты, что я сейчас с тобой буду делать? — добавляет он, глядя меня по подбородку.

Где-то внутри, в темной глубине, мои мышцы сжимаются от сладостного томления. Чувство такое приятное, что хочется закрыть глаза, но я словно загнипнотизирована пылающим взглядом. Кристиан наклоняется ко мне, и его губы, уверенные и неторопливые, сливаются с моими. Он медленно расстегивает пуговицы у меня на блузке, покрывая легкими поцелуями мои щеки, подбородок и уголки рта. Блузка падает на пол. Он отступает и внимательно смотрит на меня. Я остаюсь в бледно-голубом кружевном лифчике, который сидит на мне идеально.

— Ана, какая у тебя кожа! Белая и без единого изъяна. Я хочу покрыть поцелуями каждый дюйм.

Я краснею. О боже... Почему он говорит, что не может заниматься любовью? Я сделаю все, что он захочет.

Кристиан высвобождает мои волосы из резинки и глубоко вздыхает, когда они волной падают мне на плечи.

— Люблю брюнеток, — шепчет Кристиан и запускает обе руки мне в волосы, обхватывая мою голову с двух сторон. Он жадно целует меня, его язык и губы сплетаются с моими. Я не могу сдержать стонов, мой язык неуверенно тянется ему навстречу. Он обхватывает меня руками и привлекает к себе. Одна рука остается у меня в волосах, а другая опускается у меня по спине до талии, а потом ниже — на попу и мягко ее сжимает. Кристиан удерживает меня на уровне своих бедер, и я чувствую его эрекцию, которую он мягко толкает в меня.

У меня снова вырывается стон. Я с трудом сдерживаю чувства, в крови бушуют гормоны. Я просто изнемогаю от желания. Сжав его руку, я чувствую бицепс, удивительно сильный... мускулистый. Неуверенно я провожу рукой по его лицу, касаюсь волос. Боже. Они такие мягкие, непокорные. Я нежно тяну за них, и он стонет. Кристиан отпускает меня и мягко подталкивает к кровати, пока я не чувствую ее у себя под коленями. Я жду, что он опрокинет меня навзничь, но нет — он опускается передо мной на колени, сжимает руками мои бедра и проводит языком вокруг моего пупка, а затем, нежно покусывая, продвигается к выступу тазовой кости, а потом, через весь живот, — к другой стороне.

Я уже не сдерживаю стонов.

Как неожиданно видеть его перед собой на коленях, чувствовать на себе прикосновения его губ. Я по-прежнему держусь руками за его волосы, пытаюсь успокоить сбившееся дыхание. Кристиан смотрит на меня снизу вверх из-под невероятно длинных ресниц: взгляд

темно-серых глаз прожигает меня насквозь. Он расстегивает пуговицу у меня на джинсах и медленно тянет вниз молнию. Потом, не отводя взгляда, опускает руку сзади под пояс. Не спеша высвобождает меня из джинсов. Я не могу отвести от него взгляда. Он останавливается и облизывает губы, а потом, не прерывая зрительного контакта, подается вперед и утыкается носом мне между ног. Я чувствую его. Там.

— Как ты хорошо пахнешь, — шепчет он и опускает ресницы. На лице его выражение чистого блаженства, и я практически бьюсь в конвульсиях от наслаждения. Кристиан сдергивает с постели покрывало, а затем легонько подталкивает меня, и я падаю на матрас.

По-прежнему стоя на коленях, он берет мою ногу, расшнуровывает «конверс» и скидывает его вместе с носком. Тяжело дыша, я приподнимаюсь на локте, чтобы видеть, что он делает. Он поднимает мою ногу за пятку и проводит ногтем большого пальца по подъему. Мне почти больно, но я чувствую, как его прикосновение отзывается эхом у меня в паху. Не отрывая от меня взгляда, он проводит по моему подъему языком, а потом зубами. О-о! Как я могу чувствовать это *там*? В изнеможении я падаю на спину и слышу его довольный смешок.

— Ах, Ана, что я сейчас с тобой сделаю, — шепчет Кристиан. Он стаскивает с меня второй кед и носок, а затем и джинсы. Теперь я лежу в его постели только в трусиках и в лифчике, а он смотрит на меня сверху вниз.

— Ты очень красива, Ана Стил. И сейчас я в тебя войду.

Боже мой. Эти его слова. Как они заводят. Сил нет терпеть.

— Покажи мне, как ты кончаешь.

Что? Я не понимаю.

— Не стесняйся, Ана, покажи мне, — шепчет он.

Я отрицательно качаю головой.

— Ты о чем? — Мне трудно узнать свой хриплый, исполненный желания голос.

— Как ты доводишь себя до оргазма? Я хочу это увидеть.

— Я сама... никогда... — бормочу я.

Кристиан изумленно поднимает брови, серые глаза темнеют, он недоверчиво качает головой.

— Ладно, посмотрим, что с этим можно сделать. — В его голосе слышна мягкая, волнующая и невероятно чувственная угроза. Он расстегивает джинсы и медленно стаскивает их, не сводя глаз с моего лица. Наклонившись, берет меня за лодыжки и, быстро разведя их в стороны, ложится между моих ног. Он нависает надо мной. Я извиваюсь от нетерпения.

— Лежи смирно, — приказывает Кристиан, а затем наклоняется и целует внутреннюю сторону моего бедра и выше, а потом еще выше, целует меня через кружево трусиков.

О-о... я не могу не ерзать. У меня не получается. Я вся извиваюсь под ним.

— Придется нам что-нибудь придумать, чтобы ты лежала смирно, детка. — Он целует меня в живот, щекочет языком пупок. Потом поднимается выше, покрывая меня поцелуями. Моя кожа горит. Я краснею, меня бросает то в жар, то в холод, я отчаянно хватаюсь руками за простыню. Кристиан ложится рядом, и его рука движется от моих бедер к талии и потом к груди. Он смотрит прямо на меня, мягко обхватывает мою грудь.

— Ты вся умещаешься в моей руке, Анастейша...

Он опускает указательный палец в чашку бюстгалтера и плавным движением отодвигает ее вниз, освобождая мою грудь, но косточки и кружево толкают ее вверх.

Кристиан проделывает то же самое с другой грудью. Мои соски набухают и твердеют под его неотрывным взглядом. Я связана своим собственным бюстгалтером.

— Очень красиво, — довольно произносит он, и мои соски твердеют еще больше. Он дует очень нежно на один из них и одновременно берется рукой за другой и вытягивает его. Я чувствую сладкий спазм внизу живота. У меня там все мокро.

— Ну пожалуйста, — умоляю я, еще крепче вцепляясь руками в простыню. Его губы смыкаются вокруг другого соска и тянут его. Я уже не в силах терпеть.

— Посмотрим, сможешь ли ты так кончить, — шепчет Кристиан, продолжая эту медленную, чувственную пытку. Соски сладостно горят под его искусными пальцами и губами, каждый нерв моего тела поет и трепещет в агонии упоения.

— О... пожалуйста, — умоляю я. Голова у меня закинута назад, рот открыт в стоне, ноги цепенеют. Что со мною происходит?

— Пора, детка, — шепчет он. Его зубы сжимаются на одном моем соске, а большой и указательный палец сильно тянут за другой. Я рассыпаюсь в его руках на тысячи кусков, мое тело пронзает судорога восторга. Он зажимает мне рот поцелуем, его язык вбирает мои крики.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Карл Бернстайн — американский журналист, широко известный в США и Западной Европе своей работой по Уотергейтскому делу.

Перевод А. Кривцовой.

«Чарли» и «танго» — обозначения букв «С» и «Т» в фонетическом алфавите Международной организации гражданской авиации.